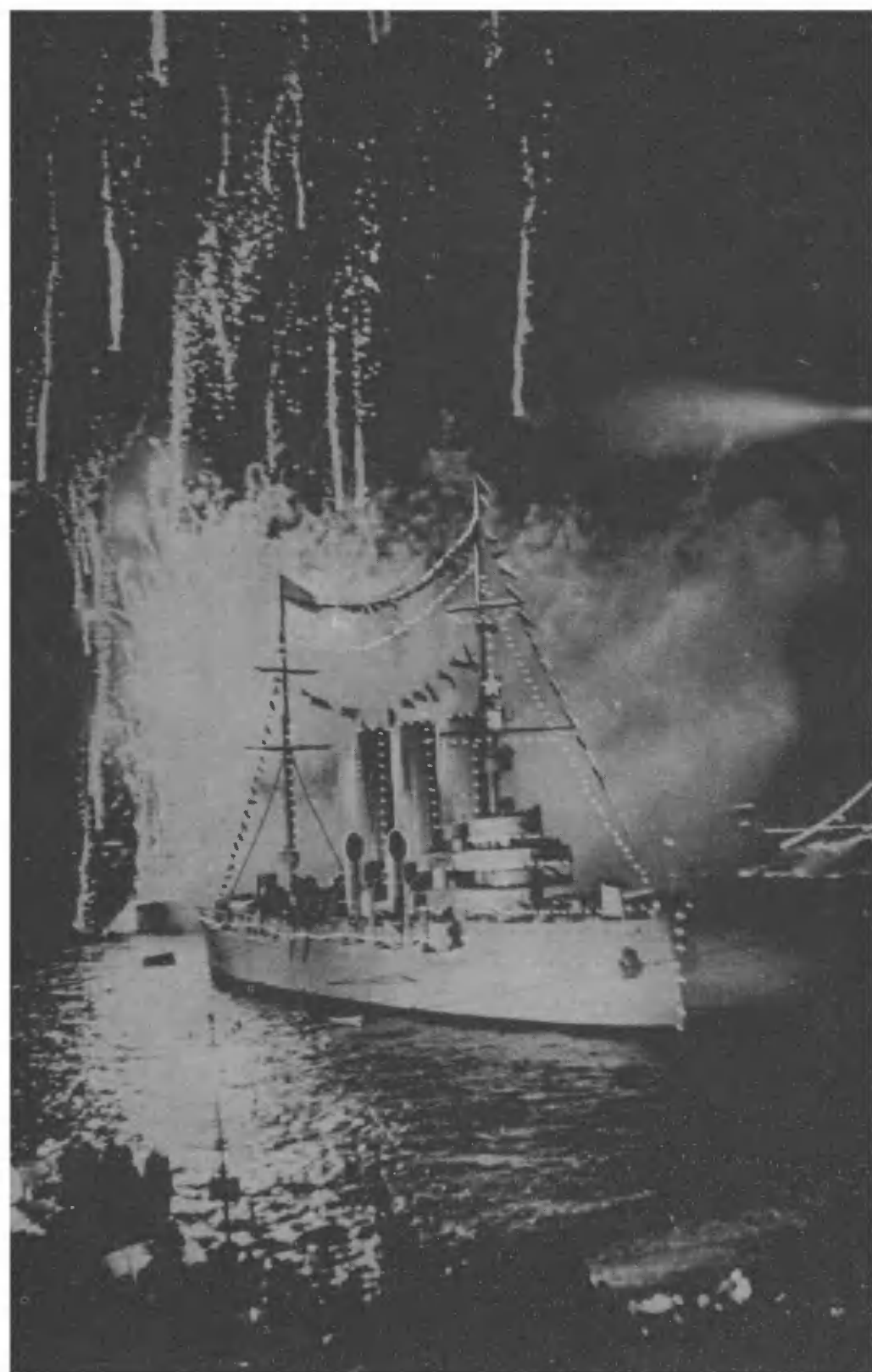

Искорка 11

1072 ★

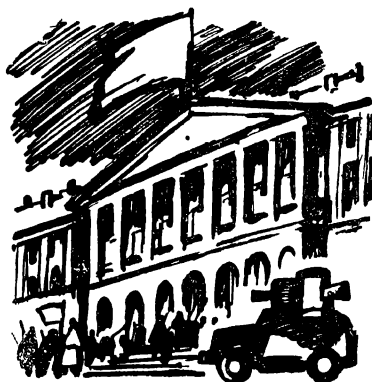

НОЯБРЬ • 1973

год издания XVII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
писательской
организации
имени
В. И. Ленина

- ★ ЛЕНИНГРАДСКИЙ поэт Георгий ТРИФОНОВ закончил работу над поэмой
- ★ «Завещание коммунара». В ней рассказывается о судьбе одного из участ-
- ★ ников Парижской коммуны, французского рабочего Луи Милле, друга Эжена
- ★ Потье — народного поэта Франции, создавшего текст «Интернационала».
- ★ После разгрома Коммуны в мае 1871 года Луи Милле вынужден был поки-
- ★ нуть свою родину. В канун первой мировой войны, работая гувернёром в
- ★ семье петербургского фабриканта, Луи узнает, что его сын Рауль, которого он
- ★ считал погибшим, жив. В одном из писем Рауль рассказывает отцу, что позна-
- ★ комился в Париже с русским революционером В. И. Лениным.
- ★ Луи готовится ехать в Париж, но в Европе начинается война. Так и не по-
- ★ видав отца, погибает в атаке под Верденом Рауль.
- ★ Велико горе старого коммунара. Стремясь хоть что-нибудь узнать о сыне,
- ★ он ищет в Петрограде В. И. Ленина...

А теперь прочитайте главу из поэмы.

Георгий ТРИФОНОВ

НОЧЬ и пламень

Под крылом
Осенней непогоды,
В тусклых вспышках
Уличных костров,
Смотрит,
Насторожен и суров,
Петроград
Семнадцатого года.
Как стихия
Подпирая шлюз,
Он нутром мятежным
Непокорен.
...Обделён судьбой,
Надломлен горем,
Ходит по нему
Старик француз.

Рис. В. Орлова

Тот старик,
Застигнутый дождём,
В забытье
Бродя по Петрограду,
Вот уже который месяц
Кряду

Ищет встречи
С Лениным — вождём.
Где ж он здесь?
Взметнись над ним,
зардейся,

Этой ночи
Сполох огневой.
Под ружьё
Встают красногвардейцы,
Поднятые
Именем его.
По его
Развёрнутому плану
Ждут сигнала
Армия и флот.
Большевистский штаб
И флаг багряный,
Фронт восстанья
Партия ведёт.
Посмотри, Луи,
Как время движет,
Как зовёт на ратные дела,
Не твоя ли молодость
В Париже,
Эту ночь бессмертия
Зажгла?

От глухих застав
И от предместий
К ней приход
Нелёгок и непрост.
...Разведён тяжёлый
Невский мост.
И стоит старик,
Застыв на месте, —
Он в кругу
Своих видений, грёз.
А с проспекта,
С резким разворотом,
Грузовик,
Заполненный народом,
Вылетает
В скрежете колёс.
Путь закрыт.
Блестят штыки и фары.
Дождь прожилки
Мутные струит.
И вопрос:
— А ты зачем здесь,
старый? —

И Василий,
Вскрикнувший:
— Луи!
Он француз,
Сосед мой по квартире.
— Ах, француз!
Он что — буржуйский дед?
— Да, богач,

держи карман пошире.
У него, братва, копейки
нет!..

— Что ж он ждёт, один,
В ночи кромешной?
Зашибут,
Погибнет ни за грош... —
Десять рук протянуто —
Даёшь!

И посажен в кузов
Он поспешно.
Путь — в объезд,
В проулках за домами.
Не попасть им в Зимний
Напрямик.

Лишь одно
И мог спросить старик:
— Ленин где?
— Кто? Ленин?
Ленин с нами! —
В той машине тряской,
В тесноте,
Зрели в людях
Долг, решимость, вера.
Будто шли опять,
Луи с Потье,
К баррикадам
Против пушек Тьера
В дни, когда
Прорывом на Версаль,
Бой за власть
Они не завершили,
И не зря,
Поглядывая вдаль,
Поспешал с отрядом
Друг Василий.
Он тебя, Париж,
Не видел, нет.
Не учил
Французские глаголы.
Не встречал
Над Сеною рассвет,
Побродив
С девчонкою весёлой.
Но в России,
Над его Невою,
Вспыхнул зорь Коммуны
Отблеск алый.
И по-русски
Слышался родной
Каждый звук
«Интернационала».
И о чём поэт
Мечтал когда-то,

завещая
В песне баррикад,
Брали
Революции солдаты,
Постигал
Рабочий Петроград.
А в машине
Старый человек
Видел всё,
В глазах блестели слёзы,
Ночь огнём
Ложилась под колёса.
Шёл Октябрь,
Входил в Коммуну век!

— Эй! — закричал он. — Тут спрашивают Сиракузовых: Кешу и Виктора. Никто их не видел?

— В парилке они, — ответили сразу несколько голосов, и я поспешил в парилку.

Разглядеть что-либо в парилке было невозможно, потому что несколько велогонщиков только что поддали пару, но зато я услышал голоса обоих Сиракузовых, Коли и, вероятно, Кеши и Виктора. Пя-

тый голос принадлежал, наверно, их тренеру. Голоса доносились откуда-то сверху, очевидно, из-под самого потолка.

Голос Коли:

— Эх... ох... фрр... брррр... Отпустили бы вы их, товарищ тренер...

Бас тренера:

— Не положено... брр... фрр... Вон, они сами молчат... между лопаток поддайте, между лопаток...

Голос Кеши или Виктора:

— А что говорить тут, Сан Саныч, хотелось бы, конечно... фрр... бррр... полегче, Сан Са-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 7, 8, 9, 10.

ныч, полегче... с родственниками встретиться...

Голоса разомлевших Сиракузовых:

— Отпустите их, дяденька.

— Эй! — крикнул я.

— Лезь сюда! — ответили мне Сиракузовы.

Было ясно: они уже обообрали всю яблоню, то есть поговорили с Кешей и Виктором и теперь допускали меня.

Я полез на полку и увидел на самом верху Колю, обоих наших Сиракузовых и ещё двух незнакомых востроносеньких.

«Кеша и Виктор», — догадался я.

Пятый человек сидел в шайке ко мне спиной.

— А это кто? — увидев меня в тумане, спросили Кеша и Виктор. — Тоже родственник?..

— Тоже, — сказал Коля. — Знакомьтесь...

— Алёша, — сказал я.

— Виктор, — сказал один.

— Кеша, — представился другой.

— Просто и не знаю, что делать, — заметил тренер и вышел из шайки. — С одной стороны, режим, а с другой — родственники...

— Отпустите их, дяденька, — опять начали Сиракузовы.

— Ладно, — решительно махнул веником тренер, — шут с вами. Но чтобы в двадцать два часа были в гостинице. Я проверю.

«Ого, — подумал я, — как у них строго...»

ВЕЛОГОНКА

(продолжение)

Дома, вероятно, были уверены, что я приду не один, а с Кешей.

На столе уже стоял чайник и тушёная картошка, а также сыр, кекс и колбаса.

— Как-то просто неловко, — говорил мне Кеша, когда мы подходили к дому. — С одной стороны, я вроде как родственник, а с другой — никого не знаю...

— Да ты сейчас познакомишься! — сказал я.

И открыл дверь.

Наши, сидевшие за столом, тут же обернулись и уставились на Кешу.

— Кеша! — объявил я.

Кеша стеснительно улыбнулся.

— Ты меня помнишь? — спросила тётя Роза.

— Нет, — приглядываясь, виновато сказал Кеша.

Дядя Борис дёрнул себя за бороду и радостно захохотал.

— Ты здорово вырос, — спокойно продолжала тётя Роза и представила остальных: — Твои дальние родственницы, мои племянницы... слева Вера, справа Наташа... а это — дядя Борис.

— Привет, — сказал Кеше дядя Борис и положил себе картошки, объяснив, что в связи с ремонтом велосипедов торопится.

— Что же мы стоим? — спросила тётя Роза.

И усадила Кешу рядом с собой и Наташей.

— Мама и папа, — сказал Кеша, — гм... тоже передают вам приветы.

— Спасибо, — откликнулся дядя Борис.

Достал охотничью фляжку и вопросительно поглядел на Кешу.

— Нет, — поспешно сказал Кеша, — у меня режим...

— Вы из бани? — с интересом спросила Вера.

— Из бани, — сказал Кеша.

— Жарко? — снова спросила Вера.

— В Вологде было жарче, — ответил Кеша.

Он покосился на Наташу, которая сидела прямо, словно проглотив аршин.

— Вера, — строго сказала тётя Роза, — дай поговорить старшим...

Кеша открыл было рот, но тут снова влез дядя Борис.

— Что же ты, чёртов сын, ничего не пишешь, — спросил он, — а?

Кеша смутился.

— А какая там стояла погода? — глядя на пирог, спросила вдруг Наташа.

— Где? — радостно спросил Кеша.

— В Вологде?

— Да градусов пятнадцать...

— А там что, баня тоже с парилкой?

— Тоже, — Кеша совсем оживился, — но там ещё есть бассейн. Знаете, пройдёшь за день сто с лишним километров, взмокнешь, устанешь... очень хорошо попасть в бассейн.

— Кеша, — сказала тётя

Роза, — ешь... Вот сыр, вот масло... Дай я положу тебе картошки... Мама всё работает на химкомбинате?

— Ага, — с набитым ртом сказал Кеша.

— А папа?

— Тоже, — сказал Кеша.

— Самые сильные бани — в Финляндии, — сказал дядя Борис. — Наши ездили, знают. Там после каждого мытья пива дают.

— Да ну? — удивился Кеша.

— Точно, — сказал дядя Борис.

Мы с тётей Розой возмущённо посмотрели друг на друга: ну просто слова не давал вставить дядя Борис!

— А зачем вы участвуете в велогонке? — спросила Наташа.

— Так ведь отдых, — удивился Кеша. — А потом, может, на велогонку мира попаду.

— А не на Олимпийские? — спросила Вера.

— Нет, — сказал Кеша.

Стало ясно, что Сиракузовы и здесь наврали.

— Лучший отдых — это ходить пешком, — сказала Наташа.

— Пешком тоже хорошо, — согласился Кеша.

— Или на автобусе...

— На автобусе тоже можно, — сказал Кеша. — Теперь я вас тоже вспомнил, — сказал он тёте Розе. — Вы приезжали к нам давно, с мужем. У него ещё имя такое трудное...

— Ферапонт Григорьевич, — подсказала тётя Роза.

— А где он? — спросил Кеша.

— Здесь, — успокоил дядя Борис. — Погулять вышел. — И почесал свою бороду.

— А на каком курсе вы учитесь? — спросила Наташа.

— На четвёртом, — сказал Кеша. — А вы?..

— Она еще не учится, — сообщила Вера. — Она только нынче поступила...

— Куда? — вежливо спросил Кеша.

— В медицинское училище, — важно ответила Наташа.

Тут тётя Роза вспомнила, что у Кеша на колене должна быть травма, и сказала, что Наташа сейчас залечит.

— Да какая это травма! — покраснел Кеша. — Я уже в бане был. Пустяки! Третьего дня попал в завал и проехался немного по асфальту...

— Вы лежали, а по вам ехали? — растрожилась Вера.

— Нет, — сказал Кеша. — Я лежал, а на меня падали...

— Крепкие парни, — сказал дядя Борис и одобрительно потрепал Кешу.

Тут Наташа вымыла руки и сухо попросила Кешу задрать штанину: она посмотрит, пустяковая у него травма или нет, и стоило ли ему ходить в баню, а теперь разгуливать без повязки.

— Противостолбнячный укол делали? — строго спросила она.

— Делали, — поспешно сказал Кеша.

Он завернул штанину, и мы увидели большую-пребольшую

ссадину, которая начиналась у колена и доходила почти до середины голени.

Тётя Роза и Вера испуганно зажмурились, а дядя Борис сочувственно зацокал.

— Просто безобразие, — возмущённо сказала Наташа. — Кто вам разрешил ходить в баню? Теперь травму придётся ещё раз обработать... Сейчас же вместе со мной отправитесь в травматологический пункт...

— Ладно, — вздохнул Кеша и смущённо добавил: — Что это мы с вами: вы мне лечите колено, а мы с вами на «вы»...

ВЕЛОГОНКА

(продолжение)

На следующий день, как и задумывали в штабе, гонщики приняли участие в мероприятиях.

Прежде всего они отправились в столовую и съели все шницели, которые приготовила им Бронислава. Вероятно, шницели были вкусные, потому что в книге почётных гостей осталась такая запись: «На всём протяжении велогонки мы ели шницели. Мы ели их в Новгороде, Калининe и ещё в десяти городах Союза. Но таких мы ещё не ели! Спасибо, дорогой повар!»

Сначала Бронислава застеснялась, но потом сняла копию и повесила её над своей кроватью.

Затем гонщики отправились в парикмахерскую, и тётка Галина их побрила и подстригла.

— Ну, — сказали Кеша и

Виктор, разглядывая себя в зеркале, — мы теперь всегда будем ездить к вам стричься...

— Давайте, — сказала тётка Галина.

И тут к гостинице подали два автобуса — в один села тётя Роза, а в другой Ферапонт Григорьевич, и велогонщиков повезли осматривать наши достопримечательности.

Велогонщики потом говорили, что лучше вёл экскурсию мужчина в морской фуражке, то есть, Ферапонт Григорьевич, потому что тётка Роза придерживалась исторических фактов, а Ферапонт Григорьевич, когда видел, что убедительных фактов на всё не хва-

тает, прибавлял кое-что от себя.

— Домысливал, — как говорил он.

И многие велогонщики потом жалели, что не пересели к нему в автобус.

А после обеда Коля атаковал тренеров вопросами, как ему лучше развивать физкультурное движение в нашем городе и как ему поступить в институт физкультуры, — это вместо того чтобы катать велогонщиков на лодке.

Они сами катались.

Кеша Сиракузов катался на лодке с Наташей, что мне особенно не понравилось.

ЦЕСАРКИ

Едва на следующий день мы проводили Сиракузовых и Кеша обещал писать нам, Лапиным, а Виктор — Сиракузовым, и едва последний гонщик исчез с площади, а зрители успели разойтись, как с противоположной стороны послышалось вдруг тарахтенье бензиновых моторчиков, и мы даже подумали, что это кто-то отстал. На всякий случай, Сиракузов-старший велел оркестру не расходиться. Но когда велосипедисты приблизились, мы увидели, что это папа и мама.

— Оркестр, туш! — сказал Сиракузов-старший.

Оркестр, составленный из милицейских работников, грянул туш, а Сиракузов-старший, приложив руку к фуражке, направился к маме и папе.

— Приветствую вас с возвращением на родную землю, — сказал он.

— Что тут у вас происходит? — удивлённо спросил папа, слезая с велосипеда и разглядывая торжественного Сиракузова, меня, Веру и обоих Сиракузовых-младших, которые помогали Коле сматывать флажки, наконец, оркестр и толпу, которая, привлечённая музыкой, повернула было обратно, и аршинные буквы «финиш», которые своим началом упирались в ноги Сиракузова, а концом в колёса папиного велосипеда.

— Встречаем! — сказал Сиракузов-старший.

— С оркестром? — недоверчиво спросила мама.

— А с чем же ещё? — удивился Сиракузов-старший.

Но тут папа увидел транспарант «Привет участникам многодневной велогонки», и всё ему стало понятно.

— Хотя мы тоже на велосипедах, — сказал он, — но встречают не нас. Вероятно, тех знаменитых Кешу и Виктора, о которых мы читали в газете.

— Их мы уже встретили и проводили, — махнул рукой Сиракузов-старший, — теперь встречаем вас...

Тут к маме с двух сторон кинулись Вера и Наташа, и Сиракузову пришлось отступить на второй план.

— Ух, как вы загорели! — удивлялись Вера и Наташа.

И это было всё, что они смогли сообщить своим родителям.

Вечером мы разбирали вещи и подарки, которые они привезли. Собственно, разбирали мы с отцом, потому что Вера, тётка Роза и Наташа, получив свои шляпы, заперлись с мамой в другой комнате, и часа полтора оттуда доносилось одно сплошное кудяхтанье.

— Ну, раскудахтались, — сказал я и вытащил из рюкзака увесистый холщовый мешочек.

— Здесь четыре килограмма отборных крымских камней, — сказал отец. — На себе вёз. Поделишься с Сиракузовыми.

Он ещё не знал, что тут у нас происходит, но всё же худшую

половину я отложил, решив про себя: а вдруг мы ещё помиримся.

Сиракузовым-старшим и Михайле Михайловичу с Брониславой, а также тётке Галине и дяде Борису тоже были шляпы. Они лежали войлочной горкой на полу.

— А Ферапонту Григорьевичу? — сказал я. Я всё ждал, когда он спросит про наше семейное кресало.

— Тоже шляпа. Не мог же я каждому покупать отдельные подарки, — сказал отец. — Я купил сразу десять на одну среднюю сиракузово-лапинскую голову.

— Между прочим, Ферапонт Григорьевич — муж тётки Розы, — сказал я, ожидая, как отец на это сообщение отреагирует.

Он отреагировал:

— А! Значит-таки, они снова решили жить вместе? Ну что ж, я так и думал.

— Не знаю, решили они жить вместе или не решили; тётка Роза мне про это не говорила.

— А я уж думал, она совсем того, если обсуждает с тобой такие вещи...

— Чего — того? — удивился я.

— Тётка Роза.

Рюкзак был опорожнён, и тут я вспомнил, что не хватает ещё одной вещи, о которой писали родители, а я надеялся, что она станет нашей семейной гордостью, вернее, гордостью зоопарка бабушки Василисы.

— А где цесарки? — спросил я.

Отец печально взглянул на пустой рюкзак.

— Улетели? — испугался я. — Потеряли?

— Хуже, — сказал отец. — Думаю, что их похитили. Во время нашей последней остановки. А может быть, и раньше. Во всяком случае, когда мы подъезжали к городу, их уже не было.

— А где вы делали последнюю остановку? — спросил я.

— В Столбиках, — сказал отец. — Пили чай в пристанционном буфете.

— Нужно идти к Сиракузову, — сказал я. — Однажды он говорил, что отвечает за всё, что происходит в городе и за городом. Столбики как раз за городом. Вот пусть теперь и отвечает... Шляпы заодно отдадим...

— Куда пойдём? Домой? — спросил отец.

— Нет, — решительно сказал я, — прямо в милицию.

Мы уходили, а во второй комнате всё ещё слышалось кудахтанье.

ЦЕСАРКИ

(продолжение)

Я впервые был в кабинете у Сиракузова и удивился, что кабинет так сильно напоминает школьную канцелярию: стол, два кресла, два телефона, две карты (одна нашего города, другая района), шкаф с книгами, сейф и графин с водой. Не хватало

только глобуса, тогда бы точно была канцелярия.

Определённое разнообразие внесли войлочные шляпы, которые лежали теперь на столе у Сиракузова. При известном воображении их можно было принять за вещественные доказательства: сама банда, ходившая в шляпах, ещё не поймана, но зато шляпы уже в надёжных руках.

Допустив это, я с большим почтением стал смотреть и на шляпы, и на Сиракузова.

— Ещё раз с приездом, — снимая очки, сказал Сиракузов-старший. — Какая там, на побережье, погода? Заходил в дегустационный погребок? Думаю, шляпы всем понравятся. Они на любую голову. Как обходились в дороге с поломками?.. — Только задав этот последний вопрос, Сиракузов вдруг усмотрел в наших действиях некое несоответствие: почему мы вдруг пришли с этими шляпами в милицию, а не к нему домой? Случилось что-нибудь?..

— Случилось, — сказал отец, — исчезли цесарки, в ином случае он бы просто на них плюнул, но тут они предназначались бабушке Василисе, а бабушку не так-то просто будет убедить, что цесарки действительно были.

— Подожди, — остановил Сиракузов-старший. — Доводы с бабушкой Василисой меня мало сейчас интересуют... Интересует другое: сколько было этих цесарок и где вы их в последний раз видели?..

— В Столбиках мы их ви-

дели, — сказал отец. — Десять штук их было.

— В корзине? — спросил Сиракузов.

— В корзине, — сказал отец.

— Столбики, между прочим, на вашей территории, — сказал я Сиракузову.

Сиракузов удивлённо посмотрел на меня:

— Думаю, лучше тебе помолчать. Значит, десять цесарок в корзине, которую вы последний раз видели в Столбиках.

— Этого мало? — спросил отец.

— Не много, — признался Сиракузов. — Подобные пропажи — почти безнадёжное дело, но, учитывая, что это цесарки... А как они, собственно, выглядят?

— Ну, птицы такие, — сказал отец.

— Я знаю, что птицы, — ответил Сиракузов. — Но на кого они похожи: на гуся, на индейку, на курицу?..

— Ведь это были птенчики, — сказал отец, — а взрослые ни на кого не похожи: голова маленькая, тело большое и ошипанное, но зато мясо... нежнее нет, просто во рту тает... Я думал, к Новому году попробуем... вместе с вином из массандровских подвалов...

— А вино не пропало? — вдруг озабоченно спросил Сиракузов.

— Нет, — сказал отец.

— Это хорошо, — сказал Сиракузов. — Но дело у нас так не пойдёт: я пытаюсь получить, так сказать, словесный портрет цесарок, а ты мне го-

воришь, какое у них мясо. — Он нажал кнопку звонка, вмонтированную в стол (эту кнопку я вначале не заметил). В дверях появился дежурный.

— Товарищ Федорчук, — сказал Сиракузов, — вы видели когда-нибудь птенцов цесарок?

— Цесарок? — подумав, спросил Федорчук. — Нет, товарищ подполковник, не видел.

— Тогда возьмите Большую советскую энциклопедию и приходите сюда.

Через несколько минут Федорчук появился с томом Большой энциклопедии.

— Вот, — сказал он, — портрет цесарки. А рядом — птенец.

Сиракузов посмотрел, кивнул, сказал:

— Очень хорошо. Запомните получше. Запомнили?

— Запомнил, — сказал Федорчук.

— Тогда берите мотоцикл и езжайте в Столбики. По дороге тоже спрашивайте. Цыплят этих было десять штук. В корзине. Ясно?

— Так точно, — сказал Федорчук. — Только если можно, товарищ подполковник, я возьму энциклопедию с собой...

— Берите, — сказал Сиракузов.

Федорчук вышел, а папа спросил:

— Ты думаешь, он найдет их?

— Идёмте пить чай, — ответил Сиракузов. — Если цесарок ваших ещё не съели, то Федорчук привезёт их...

ЦЕСАРКИ

(окончание)

На следующее утро я сказал отцу:

— Папа, в твоё отсутствие... ээ... исчезло наше семейное кресало. Но я не брал его.

— Охотно верю, — сказал отец. — Это я брал его. С собой.

— Ты?!

— Я. — Он вытащил из кармана знакомый кисет и положил на стол. — Безотказно работает. Лучше всяких спичек и зажигалок.

«Опять Сиракузовы не виноваты», — несколько разочарованно подумал я.

И тут в дверях появился Сиракузов-старший с корзиной в руках — принёс цесарок.

— Здесь только восемь, — заглядывая в корзину, сказала мама.

— Я знаю, — ответил Сиракузов.

— А где остальные? — спросила мама.

— Ты лучше спроси, где мы их нашли...

— Где? — спросила мама.

— В Столбиках мы их не нашли, — ответил Сиракузов. — Но только никто их у вас не похищал, просто вы их забыли: в Караулове, у чайной.

Мама с папой переглянулись.

— У чайной? — спросил папа. — Верно. В Караулове мы тоже чай пили.

И мама с папой опять переглянулись.

— Вообще-то, — сказал смущённо папа, — у нас было такое ощущение, но мы думали...

— Начхать мне на то, что вы думали, — сердито сказал Сиракузов, — гораздо важнее то, что было на самом деле. Корзинку вашу подобрали ребята и принесли в живой уголок. И за спасение экзотических птиц Федорчук с моего разрешения оставил им двух цесарок. Есть возражение?..

— Нет, — сказала мама.

— Тогда, если хотите, можете сказать Федорчуку спасибо. Я передам.

КОЛЯ СОСТАВЛЯЕТ ПЛАНЫ, А МЫ С ДЯДЕЙ БОРИСОМ ПОМОГАЕМ ЕМУ

В комнатке горспортсовета я увидел Колю, который рисовал на ватмане план спортивной работы.

— А! — сказал Коля, увидев меня. — Хоть кто-то пришёл.

— А кого ты ждал? — спросил я.

— Сёму. Но он заболел. Вот, возьми линейку и карандаш, будешь помогать мне составлять планы.

Я взял карандаш и линейку, и тут в комнату вошёл дядя Борис. Вероятно, он не думал встретить здесь меня, так как, встретив — это было видно сразу, — замётно скис.

— Увидел свет с улицы, — сказал он, — дай, думаю, зайду. И зашёл.

Дядя Борис уселся на стул передо мной и нетерпеливо подёргал себя за бороду.

— Сейчас самое главное, — не глядя на дядю Бориса, сказал Коля, — это сдавать нормы на новый значок ГТО. И мы в этом должны быть застрельщиками...

— Правильно, — сказал дядя Борис.

— Кто — мы? — спросил я.

— Ну, мы все — Лапины и Сиракузовы, — сказал Коля. — Про это мне говорили тренеры велогонщиков, но я и до них знал. Ведь если мы сдадим нормы, мне легче будет нажимать на весь город...

— Очень правильно, — снова глубокомысленно заметил дядя Борис.

Вероятно, ему очень хотелось принять участие в нашем разговоре, но он не знал, как это сделать.

— Я думаю, собрать в воскресенье всех Сиракузовых и Лапиных, — продолжал Коля, — и пусть все приходят на стадион и смотрят, как мы будем сдавать нормы... Вот увидишь, многие не выдержат: тоже захотят.

— Конечно, захотят, — сказал дядя Борис Коле.

Но тут сказал я:

— Я не буду сдавать нормы.

— Почему?! — удивился Коля и даже перестал рисовать.

— А потому, — сказал я.

И хотел объяснить, но тут дядя Борис неожиданно хлопнул ладонью по столу и радостно начал (радостно потому, что оказался вдруг на стороне Коли).

— Вот ты всегда такой! И здесь, и там увиливаешь от работы!

— Где увиливаю?! — сказал я.

— На ремонте грузовика! Где ты был, когда мы мыли и красили?

— Тоже красил! — сказал я.

— Не видел я его, — доверительно сообщил дядя Борис Коле. — Разве за всеми усмотришь? Может быть, мыл и красил... Но почему это ты вдруг не хочешь сдавать нормы?

— А потому, — сердито сказал я, — что, с одной стороны, нормы, а с другой — он со своими Сиракузовыми не пускает меня на лодочную станцию!

— Да при чём тут Сиракузовы? — сказал Коля. — Какое они имеют отношение к лодочной станции? Пришло распоряжение из области, и я вас не пустил!

— Значит, это не Сиракузовы?

Коля даже плюнул с досады.

— Да кто они мне? Начальники, эти Сиракузовы?!

— Они твои родственники...

— Такие же, как и ты.

— Верно, Коля, — сказал дядя Борис. — Я по глазам вижу: теперь он будет сдавать нормы... Вместе будем.

— У каждого возраста свои нормы, — сказал Коля.

— И у бабушки Василисы? — спросил я.

— Бабушка Василиса стар, — сказал Коля.

— А тётя Галина?

— Тоже стар, — сказал Коля, — но по своей группе будет сдавать нормы.

— В этом преимущество нового комплекса, — разъяснил мне дядя Борис, — у каждого возраста свои нормы. Но насчёт старости это ты, Коля, хватил: и я, и тётка Роза, и твоя мама, и Галина ещё не раз сможем сдать любые нормы...

— Посмотрим, что вы скажете в воскресенье, — ответил Коля.

Когда мы вышли, дядя Борис сказал:

— Хотел поговорить с ним, да не получилось. Из-за тебя.

— А о чём хотел поговорить?

— Неважно. Важно, что не получилось... — Он подёргал себя за бороду, вырвал несколько волосков и ругнулся.

— А когда ты взорвёшь Сиракузовых изнутри? — спросил я.

— Что? — спросил он.

— Я говорю: когда ты женишься на тёте Галине?..

— Тсс... — заткнул он мне рот. — Откуда ты взял это?

— Вера говорила. И Ферра-
понт Григорьевич говорил. Я
предлагал ему разделаться с
Сиракузовыми, а он ответил,
что скоро ты взорвёшь их из-
нутри, так что предпринимать
пока ничего не надо.

— Верно. Не надо. Взорву
скоро.

— А когда?

— На днях, наверно. Но
молчи!

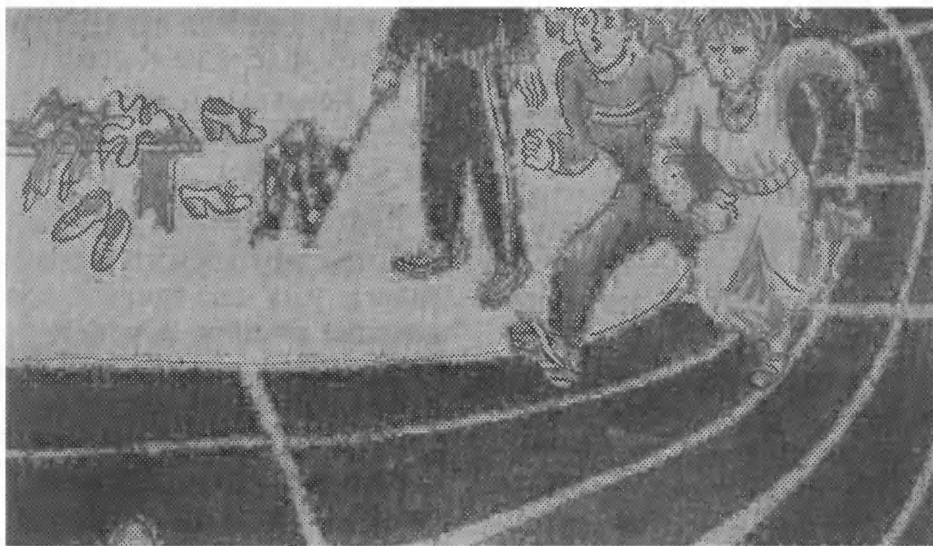
— Струсил? — обрадованно
спросили Сиракузовы, и я уви-
дел, какой радостью зажглись
у них глаза.

— В воскресенье я буду
сдавать нормы. Разве вы не
будете?

— Будем, — вспомнили Си-
ракузовы.

Драку, после некоторых спо-
ров, мы отложили на вторник.

— И ещё, — сказал я, —

СДАЧА НОРМ. ГТО

В субботу вечером я полу-
чил письмо от Сиракузовых.
Они предлагали мне явиться
с трёх до пяти на Акулинину
гору, где они набьют мне
морду.

Я подошёл к забору и посту-
чал палкой.

— За что? — спросил я.

Впрочем, стучать и не обяза-
тельно было: они оба стояли
возле забора.

— Это ты потом узнаешь, —
ответили Сиракузовы.

— С трёх до пяти я не мо-
гу, — сказал я.

второй день уже, как у нас
пропал Кирюша. Вы его не ви-
дели?

— Нет. Хороший был кот, —
сказали Сиракузовы.

И я понял, что кота они дей-
ствительно не видели.

— Это не Сиракузовы, —
сказал я Вере.

— Тогда кто? — спросила
Вера.

В её глазах стояли по утра-
ченному коту слёзы.

— Найдём мы его, — ска-
зал я.

В воскресенье на стадионе
собрались почти все Сиракузо-

вы и Лапины. Более того, привлечённый объявлением, явился крепкий род Матвеевых с мебельной фабрики и многочисленные Ватниковы. Они тоже пришли сдавать нормы.

— Ватниковы нас побьют, — озабоченно сказали мне Сиракузовы, — вон их как много...

Мы с Верой поглядели — и точно: многочисленные Ватниковы разминались уже по всему стадиону, заняли секторы для прыжков и начали растекаться по беговым дорожкам.

В это время Коля объявил, что на старт выходят четыре команды.

Зрители зааплодировали.

— За первую команду, — сказал Коля, — выступают Ватниковы. Вы их все хорошо знаете...

— Знаем! — закричали зрители.

— За вторую, — сказал Коля, — выступают Матвеевы...

— Тоже знаем! — закричали зрители.

— Потомственные мебельщики, — сказал Коля. — А за третью...

Тут мы подошли к Коле и сказали:

— Коля, за третью будут выступать Сиракузовы и Лапины.

— Что?! Не имеете права, — сказал Коля. — Лапины есть Лапины, а Сиракузовы есть Сиракузовы...

— Тогда мы вообще выступать не будем, — ответили Сиракузовы. — И они тоже!

— И мы тоже, — подтвердила Вера.

Привлечённые спором, стали подходить многочисленные Ватниковы, крепкие Матвеевы и разобщённые междоусобицами Сиракузовы и Лапины.

— Они мне соревнования срывают! — указывая на нас, говорил Коля. — Требуют выступать единой командой. А я уж объявил, что выступают четыре команды!

— Да пушай выступают вместе! — закричали вдруг зрители, поддерживая, таким образом, нас, а не Колю.

— Конечно, пусть выступают, — согласились Ватниковы и Матвеевы.

Коля растерялся.

А на старт первого женского забега уже выходили выступающие в одном возрасте три Матвеевых, три Ватниковых и объединённые нами тётка Роза, тётка Галина и моя мама.

Впрочем, выходили — не то слово. Тётка Роза, например, в предстартовом волнении уцепилась за хлястик спортивного пиджака Ферапонта Григорьевича, а у тётки Галины от страха цокали зубы, и я боялся, что это услышат на трибунах. Только моя мама была сама на себя похожа.

— Не волнуйтесь, девочки, — говорит им Ферапонт Григорьевич. — Мы не требуем от вас победы. Мы просто ждём, чтобы вы пробежали эти шестьдесят метров...

— И не держитесь за хлястик, — сказал дядя Борис.

Но тут Коля попросил посторонних отойти в сторону, под-

нял руку, посмотрел на свой секундомер и сказал:

— На старт... Внимание!.. Марш!

И мы с Сиракузовыми даже ахнули.

Вперёд до старта вырвалась тётка Галина, за ней, отстав безнадёжно, бежала тётка Ро-

за, Ватниковы с Матвеевыми и моя мама.

— Жми, тётка Галина! — закричали Сиракузовы.

И я слышал, как они взволнованно добавили:

— Эх, не надо было нам выступать объединённой командой!..

(Окончание следует)

Валерий НЕСТЕРОВ

М и н и а т ю р ы

*Учитель поставил мне двойку сегодня,
Станет она через год прошлогодней.
И вот из-за двойки, почти*

*прошлогодней,
В кино меня мама не пустит сегодня.*

* * *

*Утомились мы с Серёжей,
Открывая дверь в прихожей.
Оказалось — я и он
С разных дёргали сторон!*

* * *

*В зелёном лесочке, за городом где-то
Алёшка нашёл на тропинке монету.
Он взял и подальше забросил её:
— Пускай-ка другие поищут с моё!*

* * *

*Должен есть я так, как Вова,
Заниматься так, как Лёва,
Закаляться, как Илюша,
Как Серёжа маму слушать.
Забываю то и дело,
Что, как кто, я должен делать,
То я — Вова, то — Илья,
И всё время я — не я!*

Рис. Ю. Шабанова

В ПОИСКАХ СВОЕЙ ДОРОГИ

Король Великобритании Георг V, будучи принцем Уэльским, по традиции, служил на корабле. Однажды ему поручили определить местонахождение корабля. Принц, казалось бы, сделал всё, как надо, и, вручив капитану листок с расчётами, был немало удивлён, когда тот предложил ему немедленно снять фуражку.

— Зачем, капитан? Какое это имеет отношение к моей записке?

— Очень большое, сэръ! По вашим вычислениям, мы находимся на Темзе и въезжаем сейчас в Вестминстерское аббатство!

Конечно, этот случай нужно отнести к шуткам в кораблевождении. Ну а как же всё-таки корабли находят дорогу в море? Это всегда было не совсем понятно и немного таинственно. Ведь в открытом море куда ни посмотри — только небо и вода. А мореплаватели всё же находили нужные пути.

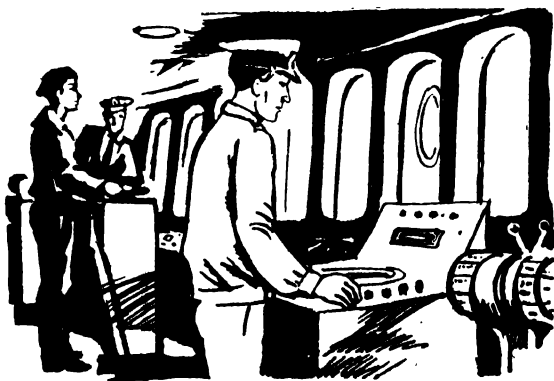
В наше время точность плавания достигла почти совершенства. Нынешние моряки, конечно, используют опыт прошлых поколений, но главное не это.

Заглянем в штурманскую рубку корабля. Здесь множество навигационных приборов. В переводе с латинского слово «навигация» означает — «мореплавание». Поэтому приборы и названы навигационными. В рубке производятся все расчёты. Контролируется курс, скорость и глубина моря под килём. С помощью приборов штурман корабля выбирает кратчайшие и самые безопасные пути.

КОМПАС МАГНИТНЫЙ

Есть на свете прибор, который уже сотни лет не теряет своего значения. Это магнитный компас. Ударение в этом слове на букве «а» стоит не случайно. Так уж принято на флоте.

Время изобретения компаса точно не известно. Но, очевидно, о свойствах магнитного железняка знали в Китае с незапамятных времён. Утверждают, что знаменитый венецианский путешественник Марко Поло в XIII веке привёз оттуда магнитную стрелку, начал проводить с ней разные опыты и этим положил начало созданию компаса. Франция, Голландия и Германия тоже стремились доказать свои заслуги в этом деле. Скорее всего, компас создали люди разных поколений и государств.

Большое внимание изготовлению магнитных компасов уделялось и в русском флоте. Пётр I, понимая важность прибора для мореплавания, в 42-й главе своего Устава так записал обязанности компасного мастера: «Исполнять работу свою с прилежанием и добрым мастерством, делать и смотреть, чтобы иглы, на чём компас вертится, были востры и крепки и не скоро бы смалывались. Также чтобы проволока на компасе к норду и зюйду крепко была натёрта магнитом, дабы компас мог быть верным, в чём надлежит крепкое смотрение иметь, ибо в том зависит ход и целость корабля».

Сначала компас состоял из подставки, где в гладко отполированном углублении лежала маленькая ложечка. Ложечку резко поворачивали, а когда она останавливалась, то её ручка указывала на юг. Иногда компас представлял собой чашу с водой, где плавала металлическая рыбка, головой указывая на север. Русские поморы изготовляли компасы в виде небольшой круглой коробочки из кости, дерева или меди. В центре коробочки на шпильке находился свободно вращающийся диск с укрепленными под ним магнитными стрелками.

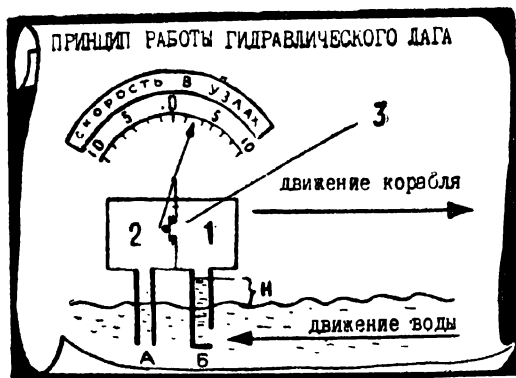
Современные приборы мало похожи на своих далёких предшественников. В латунном котелке, наполненном жидкостью, укреплен картус компаса. Верхняя сторона её разделена на 360 градусов. Здесь же нанесены главные и четвертные румбы. Румбов всего 32, поэтому каждый из них равен $11\frac{1}{4}$ градуса.

На нижней стороне картуски укреплено несколько магнитных стрелок. Котелок компаса покоится на специальных подвесах, которые позволяют ему сохранять горизонтальное положение во время качки и предохраняют его от ударов.

Долгое время считали, что намагниченные стрелки всегда показывают точно на север. Затем эта уверенность поколебалась: отклонение стрелок от географического меридиана было замечено многими путешественниками.

В 1803 году вблизи португальского побережья из-за неточности компаса погиб фрегат «Апиоло». У берегов Дании и Голландии в 1811 году произошла катастрофа с двумя английскими линейными кораблями. Вера в магнитный компас оказалась подорванной.

Развитие науки о земном магнетизме внесло ясность в этот вопрос. Было доказано, что стрелка компаса показывает не на географический полюс земли, а на магнитный. В компас научились вводить поправку — разницу между магнитным и истинным курсом. Поправку называли «склонением». Репутация компаса была восстановлена.

Но вскоре на смену деревянным пришли корабли с металлическими корпусами. Вместо парусов стали устанавливать металлические машины. И опять прибор стал вести себя довольно странно: показания одного и того же компаса на одном и том же корабле оказывались разными в различных местах корабля. Прошло почти столетие, пока не было установлено влияние судового металла на компас. Это новое явление получило название — «девиация».

Изучением и устранением девиации магнитных компасов занялся лейтенант русского флота Иван Петрович Белавенец. Это был отличный моряк. В 1859 году он в тумане провёл через Ла-Манш фрегат «Генерал-адмирал». Отважиться на такое могли не многие. А в 1862 году произошло следующее. Белавенцу было поручено привести из Англии строящийся для России броненосец «Первенец».

На броненосце для магнитного компаса было выбрано самое выгодное место. Но и здесь отклонение стрелки от магнитного полюса оказалось равным 46 градусам. С такой девиацией выйти в море было невозможно! Как быть?

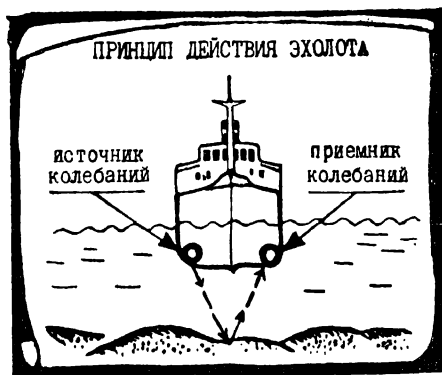
Белавенец знал о явлении намагничивания судна в период постройки за счёт земного магнетизма. И тогда, впервые в истории, он решил перемагнитить корабль. Броненосец поставили на якоря в том же положении, что и до спуска на воду, но носом в противоположную сторону. За время достройки корпус «Первенца» перемагнитился. Кроме того, вокруг компаса дополнительно разместили массы железа. Девиация компаса стала равной всего 16 градусам. Теперь корабль можно было вести в Россию.

Уменьшение девиации с помощью железной массы применяют и до настоящего времени. Только кроме железа устанавливают ещё и дополнительные магниты. Железо закрепляют непосредственно около котелка компаса, а дополнительные магниты — под котелком, в деревянном шкафчике — нактоузе.

За заслуги в компасном деле И. П. Белавенец был удостоен редчайшей награды: он получил золотой компас с тридцатью двумя бриллиантами — по числу румбов.

КОМПАС ГИРОСКОПИЧЕСКИЙ

Итак, магнитный компас требует периодически определять и уничтожать девиацию. Необходимо постоянно учитывать и склонение. Эти недостатки заставили задуматься над созданием не магнитного, а механического компаса.

К началу XX века хорошо были изучены свойства гироскопа — вращающегося вокруг своей оси тела. Простейшими гироскопами являются волчок и юла. Гироскоп и стал основой гироскопического компаса — гирокомпаса.

Преимущества его очевидны. Гирокомпас не зависит от земного магнетизма, на него не влияют магнитные поля корабельного железа и электрических установок, от одного компаса можно вывести показания на несколько репитеров (повторителей), установленных в различных местах корабля. Поправки к его показаниям постоянны и невелики.

Но сам прибор достаточно сложен. Обслуживать гирокомпас должен только хороший специалист. Для прибора постоянно нужна электроэнергия.

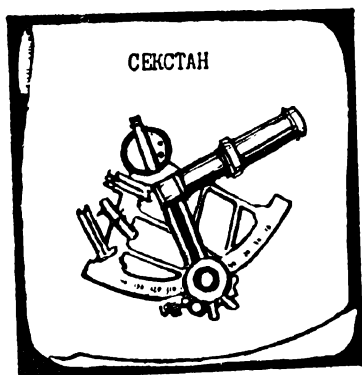
Поэтому при всех достоинствах гирокомпасов на самых современных кораблях и на маленьких шлюпках обязательно устанавливают магнитные компасы: они ведь не требуют постоянного ухода, всегда готовы к действию. Магнитный компас — истинный друг моряка.

Л А Г

С помощью компаса штурман знает курс корабля. По морской карте определяет расстояние, которое корабль должен пройти. Но сколько времени будет затрачено на этот путь? Для этого нужно знать скорость движения. И тут необходим лаг.

Скорость кораблей на море принято измерять в узлах, или в морских милях в час, что по существу одно и то же. Дело в том, что во времена парусного флота скорость судна замеряли при помощи простейшего мореходного инструмента. На лине (верёвке) были завязаны узлы через каждые 15,43 метра, что составляет $\frac{1}{120}$ морской мили. В воду бросали сектор-поплавок, который держался на месте в то время, как судно шло. Отсчитывали по часам, сколько узлов на разматываемой лине уйдёт за полминуты (полминуты — $\frac{1}{120}$ часа). Получалось, что число узлов, отсчитанных за полминуты, равняется числу миль, пройденных в час. Этот первый морской инструмент для измерения скорости носил название — ручной лаг.

И то, что морская миля равна 1852 метрам, — тоже не случайно. Длина экватора земного шара равна 40 000 километров. Экватор разделён меридианами на 360 градусов. Каждый градус состоит из 60 минут. Если же разделить длину экватора на число минут, то и получим длину дуги, равную одной миле, — 1852 метра.

Лишь в конце XIX — начале XX века было произведено усовершенствование лага. Вместо сектора за борт стали опускать вертушку. Буксировалась она за кормой корабля на длинном лаглине и при движении вращалась, накручивая вокруг своей оси лаглинь. Счётное устройство на борту показывало пройденное расстояние. Такие лаги стали называть вертушечными. Обратите внимание: они появились в конце XIX — начале XX века. Но история свидетельствует, что ещё в мае 1759 года в Академии наук Михаилом Васильевичем Ломоносовым был прочитан доклад на тему «Рассуждения о большой точности морского пути». В главе «О измерении скорости корабельного ходу на морской поверхности» Ломоносов указывает:

«Должно сделать махину, которая завсегда движется, показывая на всякое мгновение скорость, и чтобы при перемене румпа (курса. — В. М.) одним взором количество расстояния пути осмотреть можно было без скучного выпуску лаглиня и его назад свивания». Ломоносов предложил впервые в истории и устройство механического лага.

Работать он должен был следующим образом. Вертушка, находящаяся в воде, вращается и перемещает тонкую верёвку. Верёвка приводит в движение шестерни с цифрами, и уже по ним можно определить пройденное расстояние.

Эта конструкция лага, предложенная учёным более 200 лет назад, настолько остроумна, что и до настоящего времени лежит в основе современных электромеханических лагов. Лишь косность царского правительства не дала возможности Ломоносову создать этот прибор. И лаги долгое время оставались технически несовершенными.

А в 30-х годах нашего века были созданы гидравлические лаги. Эти приборы позволили определить скорость хода корабля по измеренному давлению воды. Опустим в воду на одинаковую глубину две трубки «А» и «Б». Пока трубки по отношению к воде неподвижны, столб жидкости в обеих одинаковый. Если же их привести в движение, то в трубке, обращённой открытым концом по ходу движения, вода поднимется. Высота подъёма «Н» будет тем больше, чем скорее перемещаются в воде трубки. Их соединяют с двумя полостями прибора (1 и 2), где находится подвижная диафрагма (3). А она соединена со стрелкой, указывающей скорость хода.

Л О Т

А как узнать глубину моря? Ведь подводные мели, скалы, рифы — самые опасные враги мореплавателей.

Вероятно, вначале для измерения глубины вблизи берегов применяли шест. На смену ему пришёл трос с грузом — лот. Ручной лот существует тысячелетия. И за это время устройство его почти не изменилось.

Когда требовалось измерить глубину на ходу, матрос собирал в левую руку трос-лотлинь, а правой забрасывал груз далеко вперёд, по ходу корабля. Груз касался дна, и лотлинь становился вертикально. Оставалось лишь посмотреть разметки на тросе (к лотлиню через определенные метры закреплялись кожаные марки и флажки различного цвета и формы) — и глубина определена.

А как быть с большими глубинами? Какой же для этого требовался лот и тяжеленный груз!.. Например, для измерения глубины в 3700 метров груз опускается на дно целый час! Да на подъём лота обратно уходило три часа! От тяжести груз часто обрывался. Если же взять груз меньшего веса, то скорость его погружения уменьшается.

На смену ручным лотам пришёл эхолот.

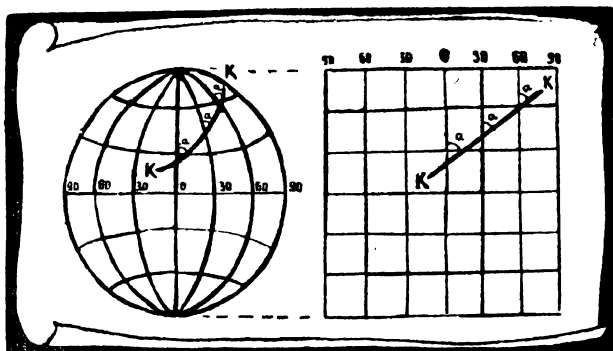
О хорошем распространении звука в воде было известно давно. В первых опытах источником распространения звука служил большой колокол. Его звон был слышен на расстоянии 35 километров. Люди догадались, что звуковые волны можно использовать для измерения глубины.

Но практически это произошло не в воде, а в воздухе. 30 июня 1804 года академик Я. Д. Захаров совершил полёт на воздушном шаре прямо из сада Кадетского корпуса на Васильевском острове в Петербурге. Вернувшись на землю, в своём рапорте на имя президента Российской Академии наук он писал: «Пролетая многие деревни и воды, я взял голосовую трубу и кричал для любопытства вниз. И вдруг услышал свои слова, через довольно долгое время весьма чисто и ясно повторенные». Захаров заметил высоту полёта и время прохождения звука. Таким образом, впервые был предложен метод измерения высоты с помощью звука.

Гидроакустическим способом измерения глубины в русском флоте занимался старший штурман крейсера «Баян» Щенснович, но вспыхнувшая первая мировая война помешала довести дело до конца.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции советскими инженерами и учёными были созданы эхолоты, не уступающие по своим качествам зарубежным.

Как работает эхолот? Он посылает звук сквозь толщу воды и принимает сигнал, отражённый от дна моря. Зная скорость распространения звука в воде (около 1500 метров в секунду) и время, затраченное

на путь от корабля до дна и обратно, можно рассчитать глубину места. Эхолоты дали возможность получить подробную картину рельефа дна морей и океанов.

Давайте представим себе такую обстановку: корабль идёт в Нью-Йорк. Густой туман, берега не видно. Штурману необходимо уточнить место корабля. Но мореплавателям известно, что на подходе к берегам Америки имеется гигантская подводная впадина — каньон Гудзон. Корабли, проходя каньон, оказываются как бы над глубокой пропастью. Эхолот непрерывно дает показания, а штурман, отыскав полученную глубину на карте, находит место корабля.

Но если под водой есть впадины, то, вероятно, должны быть и горные хребты. И действительно, с помощью эхолотов были обнаружены Южно-Антильский, Китовый, Ломоносовский и другие хребты. Некоторые из них оказались огромными. Например, Срединно-Атлантический растянулся почти на 15 тысяч километров, а высота его достигает 4 тысяч метров. Нанесённые на карту подводные горы помогают штурману в его работе.

С Е К С Т А Н

Когда плавание проходит вблизи берегов, то определить место корабля не так уж сложно. А если уйти далеко в море? Тут задача труднее.

Компас нам даёт курс. Лаг — скорость и пройденное расстояние. Но в море есть ещё течения и ветры, которые лаг не способен учесть. Могут быть ошибки в движении корабля по курсу. И тогда получится, что так называемое «счислимое» место не совпадает с истинным. А точное определение места корабля в море — обязательно для безопасного плавания.

На помощь мореходам ещё в глубокой древности пришла наука — мореходная астрономия. Место корабля стали определять по высоте небесных светил над горизонтом. Как? С помощью приборов. Сначала таким прибором была астролябия — бронзовый круг с делениями на градусы. Нехитёр прибор, не очень точен, но всё-таки с его помощью своё место в море можно было определить.

Астролябия — тяжелый, громоздкий прибор. Для обслуживания её требовалось одновременно три человека. При измерениях астролябия должна была находиться в строго отвесном положении. А если в море качка?

Нужен был другой прибор, менее прихотливый. Во многих странах стали назначать крупные премии за создание более точного астрономического прибора. В Англии, например, за него была объявлена

премия размером в 20 тысяч фунтов стерлингов — огромная по тем временам сумма!

Изобретатели начали активно работать. На кораблях появились градштоки, октаны и, наконец, секстан. Великолепный прибор! Но он становится таким только в умелых руках. Только при наличии опыта и умения «брать высоту» можно точно определить своё место. И на современных кораблях все штурманы относятся к секстану с большим уважением и почтительностью. Его тщательно оберегают от ударов, а после каждого измерения укладывают в специальный футляр.

РАДИОПЕЛЕНГАТОР

Но теперь есть на флоте способы определения своего места и точнее, и надёжнее. Появились они с изобретением радио. Радио и родилось-то на флоте. Ведь именно корабли больше всего нуждались в таком средстве связи.

Летом 1897 года А. С. Попов вместе с П. Н. Рыбкиным проводил на Балтийском море опытные радиопереговоры между двумя кораблями. В это время между ними прошёл третий корабль. Связь пропала. Так повторилось ещё несколько раз. Корабли преграждали путь радиоволнам.

Это открытие показало новые возможности радио. Радиоволны могли стать средством отыскания в море невидимых объектов. Появилась мысль о возможности определить направление на радиопередающую станцию. Другими словами — взять пеленг на радиомаяк. Если же радиомаяков два или больше, то место корабля будет определено как пересечение радиопеленгов.

Но мы не отличим радиомаяки друг от друга, если они будут передавать одни и те же сигналы. Чтобы этого не произошло, каждому радиомаяку присваивается позывной — буква, цифра или сочетание букв и цифр.

Благодаря применению радионавигационных способов кораблевождения был совершён целый ряд успешных походов кораблей и полётов самолётов. Корабли, снабжённые радиопеленгаторами, получили возможность определить своё место вне зависимости от видимости и на значительном расстоянии от берегов.

РАДИОЛОКАЦИЯ

Использование радио на флоте — это не только радиосвязь и радиопеленгование. Это и радиолокация.

Трудно сегодня представить себе большой корабль без радиолокационной станции. Она надёжно работает днём и ночью, а радиолуч проникает сквозь дождь и туман. Радиолуч помогает определить место в море и сделать плавание менее опасным.

Круглый экран радиолокатора может показать не только очертания берегов, но и корабли, и даже небольшие предметы, плавающие на воде. Известен случай, когда на экране одного из судов было обнаружено: 12 кораблей догоняющих, 25 — пересекающих курс и 129 шедших встречным курсом.

Принцип действия радиолокационной станции напоминает работу гидроакустической.

В обоих случаях в приёмную станцию приходят сигналы, отражённые от дна или отдельных предметов.

Чем короче посылаемый импульс, тем меньшего размера предмет может быть обнаружен. Радиолокационные устройства работают на ультракоротких волнах (длиной около 3 сантиметров). А время послышки импульса — около одной миллионной доли секунды.

МОРСКИЕ КАРТЫ

Трудно представить себе корабль, уходящий в плавание без карты. А ведь было такое время, когда карт не существовало. Их нужно было создать.

В конце XII — начале XIII века в Италии появились первые навигационные карты — портуланы. Пожелтевшие от времени, они и сегодня говорят о большом искусстве их создателей. Составлялись портуланы на основании зарисовок и записей греческих, византийских, римских и арабских мореплавателей. Но картографы столкнулись с большим препятствием: как изобразить сферическую поверхность земли на плоском листе бумаги?

Вот на глобусе всё можно показать без искажений. Но какого же размера тогда нужен глобус?

Ведь если изготовить глобус, на котором в одном сантиметре будет содержаться 10 километров поверхности Земли, то диаметр такого глобуса будет около 13 метров.

С таким «шариком» не на каждом корабле найдёшь место. Для мореплавателей нужен был плоский чертеж — карта.

Такую карту удалось создать в XVI веке фламандскому учёному, картографу Герарду Меркатору.

Этот человек не прошёл по морю ни одной мили, но моряки всего мира произносят его имя с величайшим уважением. Меркатор понимал, какими неточными были карты его времени. Он сопоставлял и обобщал данные, полученные в результате географических открытий Колумба, Васко да Гамы, Магеллана и других мореплавателей. И наконец долгий и упорный труд завершён. В 1569 году он издаёт карту мира на 18 листах. Карты Меркатора поразили невиданным построением сетки меридианов и параллелей. Если на глобусе меридианы сходятся у полюсов, то на новых картах они были изображены прямыми линиями, то есть глобус сначала как бы превратили из шара в цилиндр, а затем развернули его.

Изображения материков, расположенных у полюсов, тем больше растягивались на карте, чем дальше находились они от экватора. Остров Гренландия, например, во много раз меньше Африки, но на карте Меркатора они имели почти одинаковые размеры.

Чем же понравились морякам меркаторские карты?

Давайте нанесём путь корабля на глобус.

Его курс будет в виде изогнутой линии, пересекающей меридианы под одним и тем же углом «а».

На меркаторской карте линия курса корабля пересечёт меридианы под тем же углом, что и на глобусе, но она будет не кривой, а прямой. В том и заключается ценнейшее свойство изобретения Меркатора. Теперь курсы корабля и направления на различные предметы на карте можно было показывать в виде прямых линий.

В России составление карт началось в петровский период. Вначале Пётр I сам распоряжался этими работами, и хотя с 1718 года все дела по гидрографии перешли в ведение Адмиралтейств-коллегии, он продолжал следить за ними. Но всё-таки долгое время штурманских карт в России было мало.

В прошлом столетии И. Крузенштерн, В. Головнин и другие русские моряки, направляясь в океан, вынуждены были заходить за картами в Англию. В настоящее время в нашей стране имеются точные и хорошие карты почти на все районы земного шара.

Вот и побывали мы в штурманской рубке корабля.

Магнитный и гироскопический компасы показали нам курс, по которому идёт корабль. Лаг отсчитал пройденное расстояние и помог определить скорость. Лотами и эхолотом взяли глубину. Познакомились с секстаном, радиопеленгатором и радиолокацией. Приборов много. Но всем им никогда не заменить человека — штурмана корабля. Только опыт морских походов, хорошая техническая подготовка мореплавателей в сочетании с навигационными приборами могут обеспечить кораблям безопасное плавание.

Ч Т О Э Т О ?

Д Л Я Ч Е Г О Э Т О ?

Е. РУСАКОВ

Кран на стройке

Меж домов, на месте
бойком,
Головой за облака,
Над стремительною
стройкой
Встал железный великан.
Утро.
Тишь.
Заря червонцем.
День встречая трудовой,
Ослепительное солнце
Поднял кран над головой.

Л. ЗАМЯТНИН

Горланит горная река,
Ломая синий лёд.
Витиевата и легка,
Метель спирали вьёт.
И всё лишённое хвост
Пригнулось,
Впало в сон.
Лишь лыжи гибкие мои
Вылизывают склон.

ВОКРУГ КУВШИНА

ВОДЕВИЛЬ В ШЕСТИ КАРТИНАХ

У ч а с т в у ю т:

СЛАВА

КОЛЯ

ЛЮДА

} одноклассники.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, учитель истории.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ, врач.

Старик ИВАН ГАВРИЛОВИЧ, сельский житель, мастер на все руки.

ЕЛИЗАВЕТА МАТВЕЕВНА, соседка Ивана Гавриловича.

ЭДИНГТОН, иностранный специалист, профессор.

Корреспонденты.

Товарищи Люды, Коли и Славы по школе.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На сцене разрез одноэтажного стандартного домика. Одна комната — амбулатория, другая — изолятор. Указующие таблички. Амбулатория освещена. В ней стоит Коля с вытянутыми перед собой руками. Испуганно зовет врача.

КОЛЯ. Шалва Назарович, Шалва Назарович!..

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*появляясь в дверях*). Что случилось, дорогой? Почему стонешь? Голова кружится?

КОЛЯ (*страдальчески*). Кружится, Шалва Назарович, кружится...

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. В какую сторону?

КОЛЯ. Именно, что непонятно, Шалва Назарович... то в одну сторону кружится, то в другую...

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Та-ак... держи голову прямо. Покажи язык...

КОЛЯ (*с готовностью*). Ааа-аа!..

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*понимаяще*). Яблоки ел и на солнце лежал.

КОЛЯ (*безнадежно*). Ел. Лежал. А вы откуда знаете?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Знаю, дорогой, знаю... (*сокрушённо*). Плохо. Даже хуже, чем я думал... Умножь в уме три тысячи пятьсот сорок четыре на триста сорок три! Засакаю!

За сценой начинает мерно бить метроном.

КОЛЯ. Три тысячи... (*Возмущённо*.)

Да мне такого числа даже не выговорить, не то что запомнить.

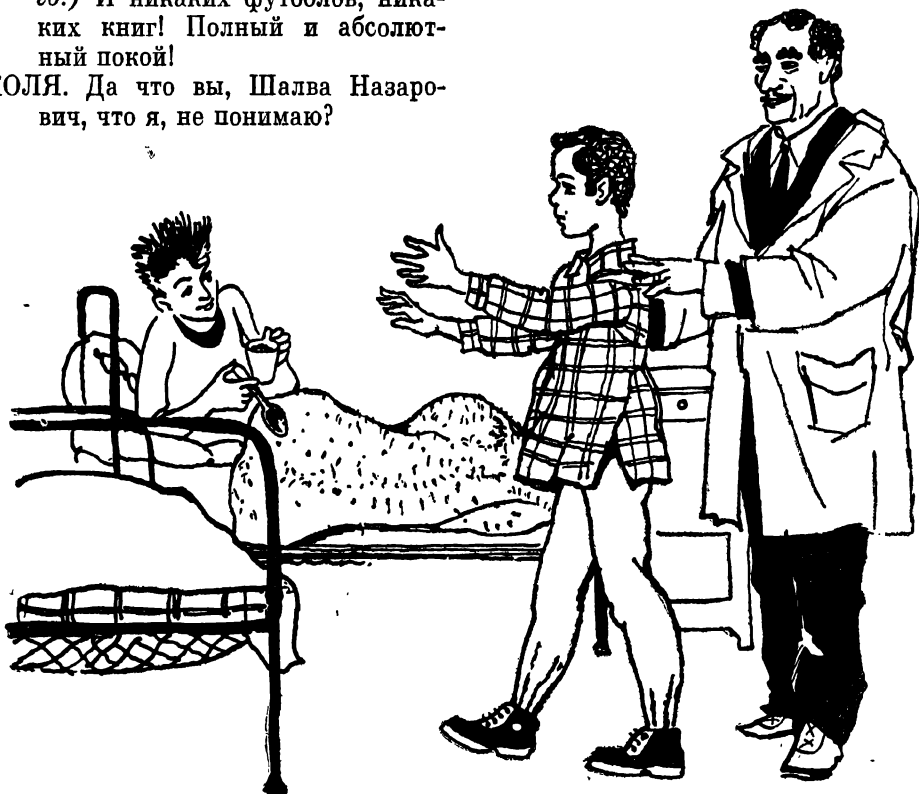
ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*качая головой*). Це-це-це... Это тебе не выговорить, это твоя болезнь не даёт тебе выговорить... (*Сам себе*.) Типичный случай дипозитивного переутомления... (*Коле*.) Солнечный удар.

КОЛЯ (*испуганно*). Да ну?!
ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Точно.
КОЛЯ (*деловито*). Напекло, значит...

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Придётся отправить тебя на несколько дней в изолятор. Отдохнёшь в изоляторе. (*Коля согласно кивает.*) Придётся в себя... (*Строго.*) И никаких футболов, никаких книг! Полный и абсолютный покой!

КОЛЯ. Да что вы, Шалва Назарович, что я, не понимаю?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*доверительно*). С головой у него что-то... (*Громко — Коле*). Располагайся, Карасёв!.. Вот постель, вот тумбочка. Чувствуй себя как дома... А если что надо — зови. Я — рядом. Ну, будь здоров! (*Уходит.*)

Через авансцену доктор ведет Колю в изолятор. Коля, как лунатик, следует за ним. Изолятор освещается. Мы видим Славу, ноги которого прикрыты одеялом. Слава ест компот.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*Славе*). Ну вот, привел тебе товарища... (*Коля легонько стонет.*) Вдвоём вам не так скучно будет... (*Коле — громко.*) Вот твоя постель, Карасёв... вот тумбочка...
СЛАВА (*радостно*). Здорово, Колька! Ух, повезло! Все наши собираются!

Коля, вытянув руки, печально стонет.

СЛАВА. Он что, и говорить уже не может?

Немая сцена. Слава напряженно смотрит на Колю. Коля с вытянутыми перед собой руками начинает медленно приближаться к Славе.

СЛАВА (*испуганно*). Ты чего, ты чего, Карасёв? (*В сторону.*) Напустили полный изолятор психов. (*Коле.*) Ты чего?

КОЛЯ (*молча бросаясь к Славе*). Покажь кувшин! (*Начинает лихорадочно ощупывать Славины ноги, скрытые одеялом.*)

СЛАВА (*в ужасе орёт*). А-а-аа!!!

Одеяло падает. Одна Славина нога в медном кувшине.

КОЛЯ (*сердито*). Тише! Чего орёшь? Здоровый я, здоровый!

(Делает гимнастические упражнения, показывая, какой он здоровый.) Я вчера ещё приходил — прямо на Сергея Евгеньевича нарвался.

СЛАВА (сурово). Так, так, Карсёв... Значит, ты не на меня, а на кувшин пришёл поглядеть? Хорош друг! Ко мне, кстати, через окно попасть можно... (Показывает на окно.)

КОЛЯ (возмущаясь). Это временно попасть можно. А мне нужно тут находиться постоянно... исследование проводить!.. (Опускается на пол, ползает вокруг кувшина, стучит.) Медный!.. (Уважительно.) Скифский!.. (После паузы.) Настоящий! Ну и повезло тебе, Славка! Такие не каждый день попадаются! (Деловито.) Ногу намыливать пробовал?

СЛАВА (безнадёжно). Пробовал.

КОЛЯ. А если сунуть в костёр?

СЛАВА. Суй свою ногу в костёр! Если некоторым кувшины дороже, чем моя нога...

КОЛЯ. Но иначе не снимешь. Металлы при нагревании расширяются...

СЛАВА. Расширяются. Только не этот... (Показывает на кувшин.)

Его ещё тогда делали, когда про расширение металлов ничего не знали...

КОЛЯ (миролюбиво). Я вовсе не хотел обидеть твой кувшин... (Начинает вытаскивать из-под рубашки, из-под ремня принесённые с собой книги, худеет буквально на глазах.)

СЛАВА. У тебя что с собой, целая библиотека?

КОЛЯ. Походная. Только самое необходимое. (Озабоченно.) Копать надо, Славка, копать. Тут ещё неизвестно что валяется. Ты где свой кувшин нашёл?

СЛАВА. Под мостом.

КОЛЯ. А чего они там, скифы, под мостом делали?

СЛАВА. А я откуда знаю? Может, обедали, а может, чай пили. Это уже потом над ними мост построили.

КОЛЯ (раздумчиво). Ладно. Тогда мы в другом месте копать будем. Могилу скифского царя Скила.

СЛАВА. Кого?

КОЛЯ. Скила. У скифов был царь. Имя такое. Потом скифы против него восстали, и он был убит.

СЛАВА. Это за что же?

КОЛЯ. С древними греками якшался. Приедет в гости к грекам, свою дружину за воротами оставит, а сам ходит и по-гречески говорит. И скифов своих ругает. Что, мол, серые, необразованные они...

СЛАВА (возмущённо). Ничего себе необразованные! Такой кувшин отгрохали!..

КОЛЯ. И я про то говорю! Ну, скифы терпели, терпели, а потом и прихлопнули. Десять тысяч коней по этому месту пустили, чтобы никто никогда не нашёл могилу этого предателя Скила!..

СЛАВА (после паузы, недоверчиво). А ты нашёл?

КОЛЯ (торжествующе). Нашёл! Только два человека в мире об этом знают: я и летописец Пафнутий! Но его уже нет. Он жил

в двенадцатом веке. А я есть.
И вот она, его рукопись.

СЛАВА (*сразу*). Где нашёл?

КОЛЯ. Когда у Ивана Гавриловича с чердака всякий хлам выкидывали, там и нашёл. Прямо посреди двора лежала. Людку Соболеву тоже подключим. Копать будет.

СЛАВА. Конечно подключим! Давай сюда своего Пафнутия. Место он точно указал? (*Раскрывает рукопись, читает.*) «Где находится погребение презренного царя Скила, или Подробное изложение событий с двенадцатью картами-схемами села Сухой Рог». (*Подскакивает от неожиданности.*) Это что же... он прямо тут закопан?!

КОЛЯ (*торжествующе*). Прямо тут!

СЛАВА. Что же ты про главное молчал?!

Затемнение в изоляторе. Освещается амбулатория. В ней — Шалва Назарович, Сергей Евгеньевич и старик Иван Гаврилович.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*бурно ходит по амбулатории*). Когда я был молодым, дети почитали стариков. И я почитал. А теперь что? Теперь почитают они стариков?

СТАРИК. Где там!..

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Во, слышал? А кто виноват?

СТАРИК (*указуя на Сергея Евгеньевича*). Он!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Он! И поэтому я требую ответа на вопрос: почему я, солидный и уважаемый человек, должен участвовать в твоих странных педагогических опытах?..

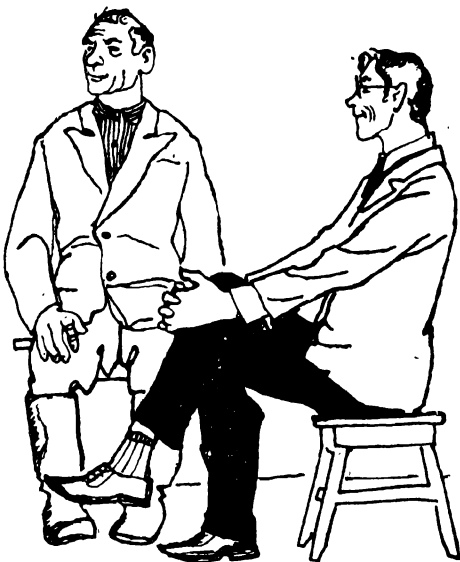
СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (*миролюбиво*). Возможно, мои затеи несколько странные, но уж никак не глупые. Просто у нас с тобой разные взгляды на воспитание. Ты — сторонник педагогики парного действия, я — сторонник педагогики встречного действия.

СТАРИК. Пороть их надо, пороть... как нас пороли. И весь сказ. (*Показывает.*) Хеть! Хеть!..

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (*Шалве Назаровичу*). Я хочу, чтобы ребята сами принимали во всём участие. Ты любил в детстве игры?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (*значительно*). Я рос в трудное время.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (*настойчиво*). Но я помню: ты любил игры. Даже устроил во дворе солнечное затмение...

СТАРИК. Как сейчас помню: у меня во дворе было...

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Ну что вы от меня хотите?! Ну, любил, любил!.. *(Пауза.)* Любил.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ *(смеясь)*. А сейчас?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ *(бурно)*. Я взрослый человек! На моих плечах, чёрт возьми, амбулатория! Я не хочу участвовать в твоих сомнительных предприятиях! Я человек серьёзный!..

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ *(вздыхает)*. А я до сих пор люблю игры... Вероятно, во мне до сих пор сидит мальчишка... *(Старик.)* Шалва отказывается участвовать в моем предприятии...

СТАРИК *(задумчиво)*. Пороть-то, оно, конечно, надо... А с другой стороны... Эх, закрутил ты меня, Серёга... Была не была: я не отказываюсь участвовать!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ *(хватаясь за голову)*. Но почитание стариков!..

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ *(улыбаясь)*. Всё это будет... Я обещаю тебе.

Вместе с Шалвой и Иваном Гавриловичем направляется через просцениум в изолятор. Изолятор освещается. Коля портновским метром обмеряет кувшин на Славиной ноге. Слава изучает рукопись.

СЛАВА *(восхищённо)*. Слушай, умели же писать древние греки! Вернее, скифы... *(Читает.)* «И запомни, отрок, последнее. Надлежит тебе, яко тати в нощи...» Во! Яко тати в нощи... *(Продолжает.)* «...пройти триста шагов в сторону, по лучу восходящего солнца. А после чего найдёшь...» *(Пауза.)* Только вот, что найдёшь? Он что, пояснее не мог написать, твой Пафнутий?

КОЛЯ. Пафнутий! Скила найдёшь. Скила.

СЛАВА. А не найдёшь?..

КОЛЯ. Да ты что? Кувшин ты нашёл?

СЛАВА. Нашёл.

КОЛЯ. А Скила, значит, не найдём? Да про нас ещё такое в газетах напишут! «Два упорных мальчишка».

СЛАВА *(напоминает)*. Соболева тоже искать будет.

КОЛЯ. Значит: «Два упорных мальчишка и одна упорная девочка!» *(Испуганно.)* Ой, Шалва идёт!..

Прячет книги, портновский метр, вытянув руки, усаживается. Слава с ложечки кормит его лекарством. Входят Сергей Евгеньевич, Шалва Назарович и Иван Гаврилович.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. У-у, целый лазарет...

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Полевой госпиталь.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Как чувствуете себя, ребята? Впрочем, ты-то, Устименко, здоров...

СЛАВА. Я-то, конечно, Сергей Евгеньевич, здоров, но вот Коля... *(Безнадёжно машет рукой.)*

КОЛЯ *(постанывая)*. Теперь-то ещё ничего... Теперь-то хоть головой крутить можно, а вот утром...

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Рад за тебя. Руки-то тогда опусти... *(Ивану Гавриловичу и Шалве, которые достают большой деревянный циркуль и линейку.)* Начнем, пожалуй?

СТАРИК. Подошва круглая фасонная... двадцать сантиметров... *(Берёт циркулем размеры, потом откладывает на линейке, которую держит Шалва.)*

СЛАВА. Вы же один раз уже обмеряли?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. То мы для Эрмитажа обмеряли. А сейчас Иван Гаврилович тебе корзинку по размеру сплетёт. Чтоб орнамент не стёрся. А то придут из Эрмитажа, увезут кувшин...

СЛАВА *(перебивая)*. А я?

КОЛЯ. А он?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. А тебя, возможно, оставят. Если кувшин снимается.

КОЛЯ. А если не...

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. А если «не», так и будет ходить...

СЛАВА *(ахая)*. Всю жизнь?!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Всю жизнь, дорогой. Всю твою долгую жизнь. Как говорится, «арс longa, вита brevis...», что в переводе означает: жизнь коротка, а искусство долговечно...

СТАРИК. Подошва лучше мягкая... У нас в Сухом Роге тоже было. Одному байстрюку на голову горшок наделся.

КОЛЯ и СЛАВА *(с жадным любопытством)*. И что?

СТАРИК. А ничего. Всем селом снимали. Прорезь для рта сделали. И ведь на «пятёрки» учился парень... умная голова!.. Голенище фасонное... сорок сантиметров...

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ *(записывая, Шалве Назаровичу)*. В крайнем случае, придётся его прямо так в музей выставить...

СЛАВА. Как так? В кувшине?!

КОЛЯ *(восхищенно)*. Ну, Славака!..

СЛАВА. Да там... да там экскурсии будут ходить! Там спать неудобно.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Днём спишь — ночью спишь. Привыкнешь, дорогой!

СТАРИК. Мы тебе тюфячок специальный сделаем...

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. С выемкой для ноги. Так что спать будет вполне удобно. *(Сергею Евгеньевичу.)* Да, кстати, ты сегодняшние газеты читал?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Вчерашние читал.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ *(свирепо)*. А я говорю про сегодняшние: Эдингтон в СССР приезжает... *(Складывая инструменты.)*

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Да ну?!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Я так и думал: это тебя обрадует.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Не может не радовать. Я всегда с уважением относился к Эдингтону... *(Славе.)* Главное, не шаркай ногами, Устименко... *(Шалве Назаровичу.)* Старик один или с профессором Митчелом приезжает?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Один.

Все трое выходят из изолятора.

КОЛЯ *(восхищенно)*. Эдингтон приезжает!..

СЛАВА *(возмущенно)*. Совсем сдурили! Как это они собираются меня прямо в кувшине выставить?! Даже моего согласия не спрашивают!

КОЛЯ. Прямо из Новой Зеландии приезжает! Надо будет ему про Скила сообщить...

СЛАВА *(взрываясь)*. Да что ты заладил! Тут кругом вон что происходит! А ты!..

КОЛЯ *(оправдываясь)*. Да, но Эдингтон — самый крупный иностранный специалист по скифским кувшинам! Я даже хотел с ним автографами обменяться... *(Вдруг, словно натываясь на стенку.)* Слушай... а вдруг он из-за тебя приезжает? На твой кувшин посмотреть?!

Слава охает и без сил опускается на стул.
З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сон Славы. Сцена ярко освещена. Мы видим Славу, который стоит на высоком пьедестале (одна нога в кувшине). Рядом с пьедесталом Коля. Кругом снуют корреспонденты, вспыхивают блицы...

СЛАВА. Не волнуйтесь, товарищи.

Все сфотографировать успеете!

1-й КОРРЕСПОНДЕНТ. Какое величавое спокойствие на лице!.. А?

Слава широко улыбается.

КОРРЕСПОНДЕНТКА. Этот мальчик есть большой будущее...

СЛАВА. У нас тетенька, у любого мальчика большое будущее. У нас всем двери открыты!

2-й КОРРЕСПОНДЕНТ (Коле). Вы из один класс?..

КОЛЯ (корреспонденту). Ага, мы из одного класса. У нас знаете какой класс? У-у! Дружный! Один за всех, все за одного. Ни одного человека в пути не теряем!

2-й КОРРЕСПОНДЕНТ. Вот из ит — в пути?

КОЛЯ. Ну двоечников у нас нет... второгодников... Верно, Славка?

СЛАВА. Верно!

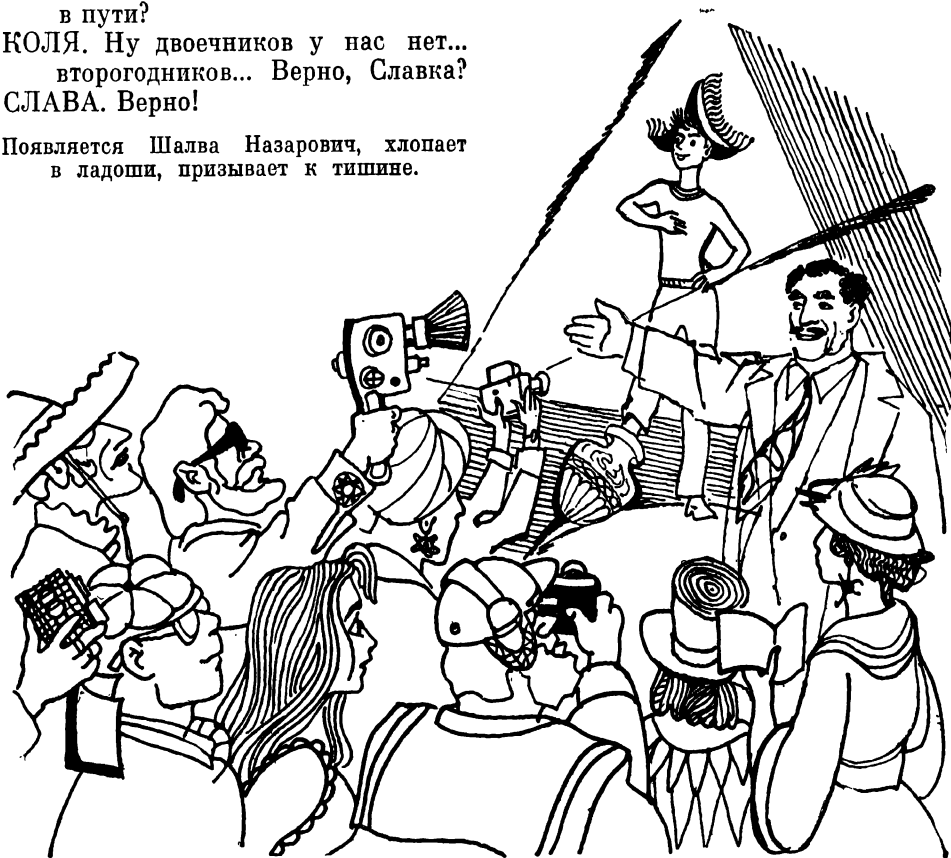
Появляется Шалва Назарович, хлопает в ладоши, призывает к тишине.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Дамы и господа! Леди и джентльмены! Генацвали! У нас с вами сегодня большой праздник! Впервые выставлен кувшин! Какой кувшин! Ммм... лучше золотого! Вы приехали к нам со всех концов земли — мы рады! Задавайте нашему всемирно теперь известному земляку Славе Устименко, который нашёл кувшин и частично находится в нём, любые вопросы! Он ответит. Пресс-конференция открывается!

Звучит туш.

ЯПОНСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНТКА (в ярком кимоно, на чистом японском языке). Хиросито то-кугава мицуяма витанебе фуросида?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Товарищ из Японии спрашивает, где ты нашёл свой кувшин и как долго ты вёл свой научный поиск?

СЛАВА. Если говорить честно, я его не вёл. Кувшин мне сам на ногу наделся. Я шёл к этому всю свою сознательную жизнь.

Корреспонденты пишут.

ЯПОНСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНТКА. Что вы думаете о японском народе?

СЛАВА. Я хочу передать привет японскому народу!

ИНДИЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. Шукра брахман сарданапал продеха, уа!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Индийский гость спрашивает: как ты сам расцениваешь свой вклад в науку?

СЛАВА (*скромно*). Расцениваю как довольно-таки значительный.

ИНДИЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. Что вы думаете об индийском народе?

СЛАВА И КОЛЯ. Мы хотим передать привет индийскому народу! Особенно ученикам пятых-шестых классов!

АМЕРИКАНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. Хау ду ю ду, мистер Устименко. Ол райт вери мач э тейбл потейта?

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. В Америке слышали, что ты искусный хоккейный вратарь. Не помешает ли кувшин на ноге твоей дальнейшей спортивной карьере?

СЛАВА. Нисколько не помешает! Сейчас сами увидите! Колька, давай!

Коля приносит две клюшки, шайбу, вместе с Шалвой Назаровичем вкатывает на сцену ворота. Слава, крихтя, слезает с пьедестала, встает в ворота.

КОЛЯ. Бросаю!

СЛАВА (*ловко отбивая кувшинной ногой шайбу*). Взял!

АМЕРИКАНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. Бросаю!

СЛАВА. Взял!

Темп бросков и реплик убыстрается. Впечатление такое, будто за сценой бьют в литавры. Присутствующие скандируют «Шайбу! Шайбу!» Гул стадиона, записанный на пленку.

СЛАВА (*вдруг спохватываясь*). Ээ... хватит! (*Осматривает кувшин*.) Ну вот, так и знал: одна вмятина уже есть!

КОЛЯ. Была эта вмятина, была! Он, может, тысячу лет в земле пролежал, а ты хочешь, чтобы без вмятины!.. (*Размахивает клюшкой*.) Давай!

АМЕРИКАНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ (*тоже размахивает*). Чайк! Давай!

СЛАВА. Чего — давай! Вот когда у вас будет свой кувшин — можете по нему сколько угодно чакать! (*Коле*.) А ещё археолог... (*Американцу*.) А ещё американец...

Коля и американец смущённо отходят.

1-й КОРРЕСПОНДЕНТ. Я из «Советского спорта». Болельщики хотят знать, не влияет ли кувшин на твою переэкзаменовку?

СЛАВА (*испуганно*). А что, болельщики уже знают?

1-й КОРРЕСПОНДЕНТ. Знают.

СЛАВА (в сторону). Эх, Сергей Евгеньевич всё рассказал... (Корреспонденту.) Думаю, что повлияет. По справедливости, Сергей Евгеньевич должен от переэкзаменовки меня освободить. Переэкзаменовку он мне когда дал? Весной. А сейчас что? Август. За это время многое в природе изменилось: вот птицы на юг полетели, а я нашёл кувшин... сделал вклад в науку.

ВСЕ. Да-да! Это справедливо! Оф коа! Сан дут! (Что-то энергично пишут в своих блокнотах.)

СЛАВА (горько). Но, к сожалению, Сергей Евгеньевич не собирается от переэкзаменовки освободить меня... (Смотрит с надеждой, какая будет реакция.)

КОЛЯ. Представляете?!

ВСЕ (возмущённо). Круэл! Крюэль!.. Это жестоко, жестоко. Да-да! Ребенок сделал открытие, а Сергей Евгеньевич...

ИТАЛЬЯНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ (вскакивая). Синьоры! От имени всего Аппенинского полуострова я требую, чтобы Сергей Евгеньевич сейчас же, на наших глазах, или отменил, или принял у этого бомбино переэкзаменовку!

ВСЕ (скандируют). Мы требуем отменить переэкзаменовку! Мы требуем принять переэкзаменовку! Мы требуем справедливости!

КОЛЯ. Ну, держись, Славка!.. Сейчас они потребуют...

СЛАВА. Только бы вопросы лёгкие задавал...

Шалва Назарович выводит на сцену упирающегося и растерянного Сергея Евгеньевича.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Ты должен... мировая общественность требует...

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Но я...

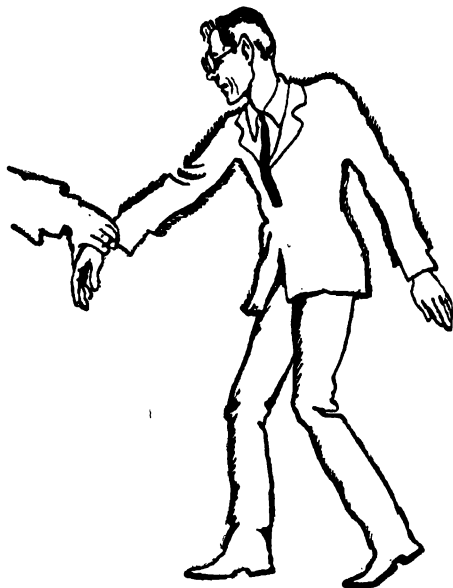
ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Мы не можем идти против требования мировой общественности...

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Но он...

Сергею Евгеньевичу не дают договорить, усаживают на председательское место.

ИТАЛЬЯНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. Синьоры! Прошу экзаменационную комиссию занять свои места! (Все, кроме Коли, рассаживаются — слева и справа от Сергея Евгеньевича.) Я прошу также занять место за этим столом нашего юного друга... наше будущее научное светило... Николай Васильевича Карасёва!..

Бурные аплодисменты, Коля с достоинством занимает своё место.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (робко — комиссии). Можно начинать?

ВСЕ. Да-да...

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (строго). Устименко!

СЛАВА. Я!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (строго). Скажи нам, пожалуйста, Устименко...

ВСЕ (громким шёпотом). Полегче вопросы... полегче...

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (робко). Хорошо... Ну тогда скажи нам, Слава...

ВСЕ. Полегче вопросы, полегче...

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (вздыхнув). Вот что, скажи: кто из древних любил сидеть в бочке?

Напряжённая работа мысли на Славином лице.

ВСЕ (во главе с Колей, шёпотом).

Диоген...

СЛАВА (радостно). Диоген!

ВСЕ (восхищённо). О-о-о!!!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Кто, сидя в ванне, закричал «Эврика!»?

Напряжённая работа мысли на Славном лице.

ВСЕ (во главе с Колей, шёпотом).

Архимед!

СЛАВА (радостно). Архимед!

ВСЕ (восхищённо). О-о-о!!!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Кто сказал: «А всё-таки она вертится!» — и топнул при этом ногой?

ВСЕ (во главе с Колей, шёпотом).

Галилей...

СЛАВА (радостно). Галилей! (Топаёт кувшинной ногой.)

ВСЕ. О-о-о! Удивительные знания! Поразительные знания! По истории и из всех смежных наук!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (робко).

Мне можно идти?.. Если он думает... если вы думаете... мы оказали ему услугу... я оказал ему услугу — и он и вы заблуждаетесь...

Но Сергея Евгеньевича никто не слушает, все бросаются к Славе. Сергей Евгеньевич потерянно уходит. Все поздравляют Славу. Слава ведёт себя так, как спортсмен, забивший тысячный гол: высоко подпрыгивает, трясёт над головой сжатой в кулак рукой. Звучит туш, переходящий в лезгинку. Все танцуют, выкрикивая «ассал».

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (поёт на мотив лезгинки). Показал наш труженик Слава!

АМЕРИКАНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. Его учение — труд, не забава!

ИТАЛЬЯНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. Лишь кувшин надеялся на Славу!

1-й КОРРЕСПОНДЕНТ. Оказался Слава со славой!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ (танцуя). Дамы и господа!

ИНДИЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. Товарищи и генацвали!

АМЕРИКАНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ и КОЛЯ. Экзаменационная комиссия!

ЯПОНСКИЙ и ИТАЛЬЯНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Удаляется на совещание!

В танце исчезают за кулисы. Слава остаётся один.

СЛАВА (садится на пьедестал).

Уфф... надо же, со всего света приехали!.. И индус, и этот, как его?.. В кино, наверное, покажут... (Начинает вдруг хихикать.) А с Сергеем Евгеньевичем просто здорово получилось! И вопросики лёгкие задавал... Ну и отвечал я тоже, конечно, неплохо...

Звучат, записанные на плёнку, разноязычные голоса толпы: «Мы требуем поставить Славе пятёрку! Мы требуем пятёрку!».

СЛАВА (удовлетворённо). Во, уже требуют! Придётся вам, Сергей Евгеньевич, требования мировой общественности удовлетворить.

За сценой раздаются шаги многих людей, идущих строем.

ГОЛОС ШАЛВЫ НАЗАРОВИЧА (за сценой). И-и, раз! И-и, два!

СЛАВА. Экскурсия, что ли, пришла на меня смотреть? (Вздохнув, вынимает из кармана «треуголку», надевает; одну руку закладывает за борт воображаемого сюртука, отставляет чуточку вперёд кувшинную ногу).

Появляется отряд. Все в белых рубашках, при пионерских галстуках, в шортах. Впереди Шалва Назарович, тоже в шортах.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Отряд, равнение на Славу! Речёвки, начинай!

ОТРЯД. Мы работали на славу!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Мы равняемся на Славу!

ОТРЯД. Слава нам не дорога!

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Славы дороже нога!

Ползёт занавес, скрывая замершего на пьедестале Славу, который держит теперь руку «под козырек». Отряд снова проходит по авансцене, скандируя.

ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Левой!
ВСЕ. Правой!
ШАЛВА НАЗАРОВИЧ. Славе!
ВСЕ. Слава!

Уходят за кулисы
З А Н А В Е С

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

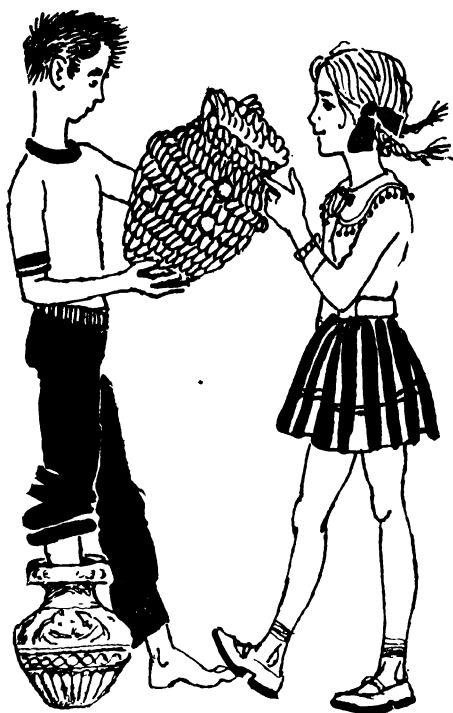
Снова изолятор. На кровати в той же позе стоит Слава. Всё ещё держит руку «под козырек», стоя спит. Звучат шаги удаляющегося отряда, записанные на плёнку. В изолятор входит Люда. В руках у неё разъёмная корзинка в форме кувшина. Удивлённо смотрит на Славу. Слава вдруг начинает маршировать в кровати.

ЛЮДА (*обомлев*). Устименко!

СЛАВА (*не просыпаясь*). Я ни в чём не виноват... Сергей Евгеньевич, я ни в чём не виноват...

ЛЮДА (*радостно*). Спит... честное слово, спит! (*Кричит.*) Устименко!! В чём ты виноват и в чём не виноват? Рассказывай!

СЛАВА (*просыпаясь*). А? (*Озирается.*) Где все? Уфф... приснится же такое...

ЛЮДА (*елейным голосом*). Так в чём ты виноват и в чём не виноват?

СЛАВА. Кто? Я? Кто тебе сказал, что я виноват?

ЛЮДА. Ты. Во сне. (*Передразнивает.*) «Сергей Евгеньевич, я ни в чём не виноват... Сергей Евгеньевич...»

СЛАВА (*угрожающе*). Подслушивала, Соболева? Ну, погоди! (*Сползает с кровати.*) Колька! Соболева проникла в наш изолятор!..

ЛЮДА. Я не проникла. Меня Шалва Назарович прислал...

СЛАВА. Колька!.. (*Смотрит на соседнюю кровать, но Коли там нет.*) Где Колька? (*Заглядывает под кровать, под тумбочку.*)

ЛЮДА. Это ты у меня спрашиваешь?

СЛАВА. У тебя. Ложился спать — был. Просыпаюсь — его нет.

ЛЮДА. Это я у тебя должна спросить!..

СЛАВА (*сразу переменяет тон*). А что спрашивать-то? Не видишь? Вышел. На почту пошёл. Телеграмму давать.

ЛЮДА. В семь часов утра?!

СЛАВА. Угу. В семь часов утра. Профессору Эдингтону.

ЛЮДА. Какому Эдингтону?

СЛАВА. Газеты читать надо, Соболева. Эдингтону — самому крупному иностранному специалисту по скифским кувшинам! Ну, говори, зачем пришла?

ЛЮДА. А вот... Футляр для твоего кувшина. Надевай!

СЛАВА (*с любопытством рассматривает*). А дырки для чего?

ЛЮДА. Для вентиляции.

СЛАВА (*надевает, топает, делает несколько шагов*). А ничего! Такой ногой ударишь... Ну, говори, Соболева, зачем ты меня в прошлом году портфелем по голове стукнула?

ЛЮДА (*убеждённо*). Сам виноват был. Не дразни — не стукну... (*Пауза.*) А что, голова до сих пор болит?

СЛАВА (*вздыхнув*). Не, не болит... Это я так просто. Тайна одна у меня есть... даже две. Только ты никому... ни единого слова!..

ЛЮДА. Я?! Да чтоб мне...

СЛАВА. Лучше клянись!

ЛЮДА. Да пусть я никогда не увижу ни одной «пятёрки» в жизни... да пусть...

СЛАВА (*подсказывает*). По любому предмету...

ЛЮДА (*охотно*). По любому предмету!.. (*Пауза.*) Ну, какая тайна?

СЛАВА (*решительно*). Значит, так... (*Вдруг замолкает.*) Но я лучше тебе про другую тайну расскажу...

Лицо у Люды разочарованно вытягивается.

СЛАВА. Кто?

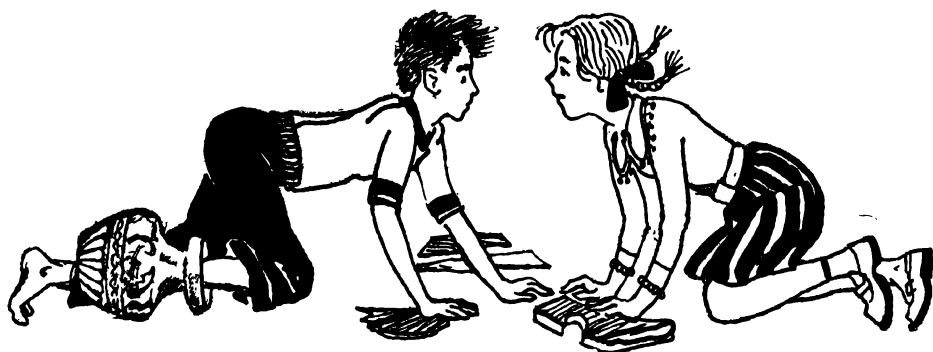
ЛЮДА. Ну... тот мальчик?

СЛАВА. Да ты что, Соболева, какой мальчик?

ЛЮДА (*отгоропело*). Но ты сам только что...

СЛАВА (*будто вспоминает*). А-а... ты вот про какого мальчика... (*Наступательно.*) А какое тебе дело, Соболева? Всё выпытываешь у меня, выпытываешь... А в мужских делах вы, девчонки, ничего не понимаете... Что случись, вперёд пойдём мы, мужчины! А вы для нас будете варёжки и кисеты шить.

ЛЮДА. Варёжки? Когда ты, Устименко, по всем ведущим предметам «двойки» исправлял, ты к кому прибежал?

СЛАВА (*успокаивая*). Но ты не думай: эта тайна ещё важнее...

ЛЮДА (*сразу расцветает*). Давай!

СЛАВА. Значит, так... Одному моему знакомому... вернее, не так... Один мой знакомый... короче, этому моему знакомому...

ЛЮДА (*деловито*). Я его знаю? Из нашего класса? На какой парте сидит?

СЛАВА. Он не из нашего класса. Он местный. Я тут с ним познакомился. (*Люда несколько разочарована.*) И этому моему знакомому нравится одна девчонка... (*С горечью.*) Тьфу!..

ЛЮДА (*не обращая внимания на «тьфу», деловито*). Отличница?

СЛАВА (*с горечью*). Отличница.

ЛЮДА. А он?

СЛАВА: К тебе... А я разве отрицаю? Ну вот, ты уже и обиделась, Соболева... Правду вам, понимаете, нельзя сказать... (*Люда упорно рассматривает рукав своего платья.*) А я для тебя, может быть, вон что сделал... взамен машины на воздушной подушке... (*Лезет под кровать, достаёт какой-то странный музыкальный инструмент.*) На такой тыщу лет играли...

ЛЮДА (*удивлённо разглядывает*). Что это?

СЛАВА (*с гордостью*). Гусли... (*Берёт несколько аккордов.*) Играй себе на здоровье, Соболева, а про меня... (*Машет рукой.*) забудь. Конченный я человек...

ЛЮДА (*принимая гусли*). Да почему конченный? Сдашь переэкзаменовку.

СЛАВА (*перебивая*). Не уговаривай. Сам знаю. Иди. А мне думать надо. (*Садится, подписывает голову, думает.*)

ЛЮДА (*надёвает гусли на себя — гусли с тесемочкой, — берет Славу за рукав*). Я должна вывести тебя погулять. Шалва Назарович велел.

СЛАВА. Мало ли что велел. Не успела, понимаешь, прийти, как уже командуешь! Кто ты такая?

ЛЮДА. Мне поручили, вот я и командую!

СЛАВА. Видали мы таких! Сначала курс молодого бойца пройди, командир... а потом командуй!.. А ну, давай сюда гусли!..

Люда, прижав к себе гусли, пятится на изолятора.

СЛАВА (*наступая*). Давай, давай!.. Ходят тут всякие... командуют! И даже не знают, что у человека на душе делается... (*Решительно.*) Я лучше кому-нибудь другому подарю!

ЛЮДА. Другому?! Тогда... выжигай и двоичник.

СЛАВА. Я?!

ЛЮДА. Ты!

Слава дергает гусли, тесёмка обрывается, гусли летят на пол.

ЛЮДА и СЛАВА (*одновременно*). Ой!.. (*Смотрят на осколки, молча опускаются на пол, начинают ползать по авансцене, собирать. Встречаются на середине, нос к носу.*)

ЛЮДА. Мы, как древние скифы на твоём кувшине: они там тоже сидят нос к носу...

СЛАВА (*шмыгая носом, смущённо*). Тоже мне, скифка... хе... Ничего, я тебе новые гусли сделаю... (*бросает осколки в урну*) не хуже...

Театральный шёпот за спиной: Людка!.. Славка!..

Люда и Слава оборачиваются и видят Колю, который, крадучись, выполазает по-пластунски из-за кулис. Как заправский пластун, держит перекинутыми

через локоть красного цвета кирку и лопату. За Колей, не торопясь, спокойно идёт Иван Гаврилович. Коля его не видит. Люда и Слава, ничего не понимая, смотрят то на Колю, то на старика.

КОЛЯ (*поднимаясь, гордо*). Ну устал!.. От самого пожарного счита полз! Никто не видел!

СТАРИК (*командует*). Пластун Карасёв, смирно!

КОЛЯ (*мгновенно вытягивает руки по швам, оборачивается к старику*). А?

СТАРИК. Сдать оружие!

Слава и Люда хохочут. Коля нехотя и сердито сдаёт лопату и кирку.

СТАРИК (*одобрительно*). Хорошо полз... по-солдатски... (*Пожимает руку.*) Говори, зачем отчетный инструмент взял? А если пожар?

КОЛЯ (*хмуро*). Ведь всё равно не поверите...

СТАРИК. Я старый. Я всему верю.

КОЛЯ. Исследование проводить. По всем данным, возле вашего села находится могила скифского царя Скила.

СТАРИК. Чем же прославился, ваш Скил? Учёным был? Полководцем?

СЛАВА. Не-е... своих обижал...

КОЛЯ. А они его за это... кх! Хотя, конечно, пистолетов в то время не было.

СТАРИК. Станные вы люди, учёные. Ведь по всему видать: лихоимец этот ваш Скил. А ему — почёт, изучать его будут. А другой, хороший, так и имени его не осталось... Несправедливо.

СЛАВА. Конечно несправедливо.

КОЛЯ. Но ничего поделывать не можем: перед исторической наукой все равны.

СТАРИК (*качает головой*). Исследование-то как будете проводить? Одни?

СЛАВА (*начинает*). Одни...

Коля незаметно толкает его в бок.

КОЛЯ. С Сергеем Евгеньевичем и Шалвой Назаровичем. Разве можно — одним? Вон, Соболева ещё будет помогать... Верно Соболева?

ЛЮДА. Верно!

СТАРИК (*забирая инструмент*). Ну, тогда Сергей Евгеньевич с Шалвой Назаровичем инструмент и возьмут. А вы — лица материально безответственные... Пойду погляжу: где что не горит. (*Славе.*) Ну как, не жмёт?

СЛАВА. Спасибо. Не жмёт. Ходить можно.

СТАРИК. Во-во... Главное, чтоб орнамент не стёрся. (*Уходит.*)

ЛЮДА (*Коле*). Врун!

КОЛЯ (*ошеломлённо*). Я?!

ЛЮДА. Ты больной или здоровый?

КОЛЯ (*сразу*). Конечно больной!

ЛЮДА. Тогда чего же ты с киркой и лопатой ползаешь, как здоровый?

Коля растерянно смотрит на Славу.

СЛАВА (*строго*). Действительно, Карасёв, нехорошо получается. Больной, а ползаешь, как здоровый... (*Люде.*) Я предлагаю поведение пионера Карасёва об-

судить. Выяснить наконец, больной он или здоровый.

КОЛЯ. Да не такой уж я и здоровый... Просто лекарства Шалвы Назаровича помогли!

СЛАВА (*Люде*). Сама знаешь, как бывает: утром в школу идешь — голова болит, а из школы — всё как рукой снимает...

ЛЮДА (*возмущённо*). Или вы сейчас же во всем признаетесь, или я...

КОЛЯ (*поспешно бухаясь на колени*). Признаюсь!

СЛАВА. Нервы у пионера Карасёва не выдержали.

ЛЮДА. Как староста класса я обязана...

Слава и Коля поспешно затыкают уши.

ЛЮДА. Но как человек, проучившийся с вами в одной школе...

СЛАВА и КОЛЯ (*разжимая уши*). Спасибо, Соболева!..

КОЛЯ. Записываю — заместителем моим будешь.

ЛЮДА. А кто нам без раскопчного листа копать разрешит?

КОЛЯ. Да ты что, Соболева!.. Разве это раскопки? Два раза копнули, и всё!

СЛАВА (*вдруг подпрыгивает, кричит*): Аааа!.. (*Начинает бешено носиться по сцене, трясёт кувшинной ногой.*)

ЛЮДА и КОЛЯ. Что случилось? Что с тобой?!

СЛАВА. Пчела!.. Пчела в кувшин залезла!.. Жужжит! (*Продолжает орать и метаться по комнате.*)

ЛЮДА. Не дёргайся — укусит!

КОЛЯ. Не шевелись — хуже будет!

На шум из амбулатории приходит Сергей Евгеньевич. Визумлении останавливается.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Что случилось? Что здесь происходит?

ЛЮДА. Пчела укусила!

СЛАВА. Не укусила ещё, не укусила!

КОЛЯ. В кувшин залетела!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Если до сих пор не укусила, это не пчела... (*Славе.*) Ну-ка, стой!..

Слава мученически замирает. Сергей Евгеньевич подходит, прислушивается.

СЛАВА. Жужжит!
СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Жужжит.
Муха.

ЛЮДА (*радостно*). Ну ты, оказывается, Славка, и трус!

СЛАВА. А ты бы не струсил? Эта нога у меня практически беззащитная.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Да не трясись ты ногой: она сама вылетит... (*Пауза.*) Слушай, Устименко. Ты, насколько я помню, в концерте самодеятельности должен чечетку плясать?..

СЛАВА. Должен! Во втором отделении.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (*с сожалением*). Не выйдет чечётка —

кувшин на ноге! Поэтому я предлагаю подготовить тебя для другого номера. Понесёшь просвещение...

СЛАВА (*будто налетел на стену*). Кто? Я?!

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Ты. Выйдешь на сцену, снимешь под аплодисменты корзину и покажешь кувшин.

СЛАВА (*удивлённо*). И всё?

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. И всё. Ну и расскажешь попутно о скифах. Такое маленькое сообщение — минут на тридцать.

СЛАВА (*озабоченно*). Просто и не знаю, Сергей Евгеньевич...

З А Н А В Е С

(Окончание следует)

Геннадий МОРОЗОВ

* * *

*Ночь. Мороз. Промёрзли
лужи.*

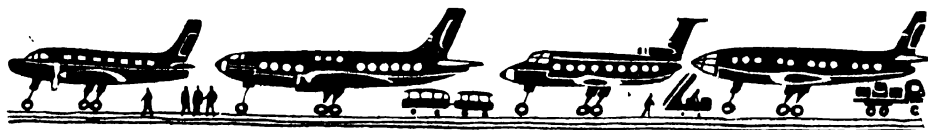
*Тянет холодом зимы.
Скоро небо снег обрушит,
Поползут из труб дымы.
Как пойдёт крутить и вейть,
Дыбить сено на стогах —
Человека или зверя
Различи-ка в двух шагах!
Злой метели свист*

*разбойный
Пронесётся по лесам...
Только я пройду спокойно,
Шапку сдвину на глаза.
На заснеженном крылечке
Половица прохрустит...
Запалю лучину в печке —
Пламя глухо загудит.
И во тьме с берёзы свесясь,
Перемётным снегом бит —
Окунётся в прорубь месяц
И — о льдинку позвонит...*

Рис. Ю. Шабанова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕГУЛИРОВЩИК

Если вы купили иностранный транзистор или фотоаппарат — не спешите радоваться. Стоит случиться пустяковой неисправности, и вам не поможет ни одно ремонтное ателье. Да что фотоаппарат, уникальное импортное оборудование иной раз простаивает годами: нет запасных частей. И это не только в нашей стране, во всём мире. Вот если бы в разных странах вещи делали по одним и тем же образцам — стандартам! Тогда к заграничным изделиям подходили бы отечественные запасные части — заменяй и ремонтируй!

Что же специалисты этого не понимают? Неужели нельзя создать международную организацию, которая подготовляла бы международные стандарты? Не волнуйтесь. Такая организация уже есть. Она называется «Международная организация по стандартизации» — сокращённо ИСО. В неё входят чуть ли не все страны мира, большие и малые, и, конечно же, Советский Союз.

Официальными языками ИСО признаны три — русский, английский, французский. Все проекты мировых стандартов, которые готовятся в ИСО, переводятся потом на другие языки. Каждая страна, ознакомившись с таким проектом, издаёт свой национальный стандарт, в котором учитываются рекомендации ИСО.

Чтобы лучше понять, как работает эта организация, давайте обратимся к примеру.

Территория большого международного аэропорта. Каждую минуту громовой рёв турбин заглушает все остальные звуки, и огромная серебристая птица после короткой пробежки свечой взмывает ввысь. Каких только самолётов здесь нет! Наши «ИЛы», французские «Каравеллы», американские «Боинги». Издали они кажутся идеально гладкими, но подойдём поближе. Теперь сигарообразные тела машин представляются совсем другими. На них, как на белых техасских брюках, аккуратные ряды заклёпок. Словно строчки по ткани, разбегается пунктир заклёпок по всему корпусу самолёта. Вроде бы простая деталь — заклёпка, проще уже и некуда, тот же самый гвоздь со шляпкой, только короткий и тупой. А что произойдёт, если на высоте в несколько километров заклёпки вдруг сдадут?! Тогда весь самолёт «разъедется», как старые штаны! Так что заклёпка при всей своей простоте очень важная деталь, очень ответственная. Недаром авиамеханики после приземления тщательно осматривают самолёт — не ослабли ли где-нибудь приклёпанные детали.

Ну а допустим — ослабли. Смогут ли во французском аэропорту переклепать деталь американского

«Боинга» или в московском — отремонтировать французскую «Каравеллу»? Ведь заклёпки-то во всех странах разные! А как новозеландский лётчик объяснит японскому авиамеханику, что в его самолёте «закапризничала» тяга руля? Хорошо, если он не торопясь всё ему покажет, а если скажет это на ходу... Тогда японец, не поняв лётчика, вместо того чтобы проверить тягу руля, может вызвать тягач и вырулить самолёт на стоянку...

Современные самолёты очень сложны и требуют к себе постоянного внимания. Поэтому у авиамеханика и пилота должно быть полное взаимопонимание. Чтобы не было досадных недоразумений, ИСО решила разработать проект стандарта «Авиационная терминология». Его подготовка была поручена Советскому Союзу. Не забыли стандартизаторы и о заклёпках. Чтобы они были одинаковыми у всех самолётов, готовится другой проект стандарта: «Авиационные заклёпки». Его разрабатывают Нидерланды.

Если с современного самолёта снять обшивку, мы увидим бесчётное количество разноцветных алюминиевых трубок. По ним идёт кровь самолёта — топливо, кислород, смазочное масло. Жёлтые, голубые, чёрные трубки перевиты так, что, кажется, разобраться в них невозможно.

Но это только кажется. Если в кабину стал плохо поступать кислород, авиамеханик безошибочно находит нужную трубку, но... лишь

на отечественной машине. На иностранных — всё иначе. Поэтому прежде чем взяться за дело, ему придётся хорошенько подумать, чтобы не ошибиться. Допустим, он во всём правильно разобрался, нашёл трубку, через которую плохо проходит кислород... Казалось бы, теперь дело за малым — снял испорченную трубку, поставил новую! Но почти наверняка он этого не сможет сделать: размеры трубок у иностранных самолётов не такие, как у отечественных. У одних соединительные гайки толстые, у других тонкие... Вот почему специалисты ИСО решили создать стандарт «Авиационные трубопроводы и их соединения». Его подготовка поручена США.

Франция занялась подготовкой стандарта на авиационные болты и гайки. Англия разрабатывает требования к авиационно-космическому оборудованию. Работы хватило всем. Когда эти проекты будут готовы, во всех странах мира авиаторы начнут пользоваться «нидерландскими» заклёпками, «французскими» гайками и «американскими» трубками. Почему эти слова стоят в кавычках? Да потому, что на советских самолётах будут стоять, разумеется, отечественные гайки, а не французские. А вот сделаны они будут по стандарту, подготовленному французскими авиаторами.

И тогда в любом аэропорту мира и нашим «ИЛам» и французским «Каравеллам» — всем самолё-

там, независимо от их национальной принадлежности, можно будет оказать техническую помощь.

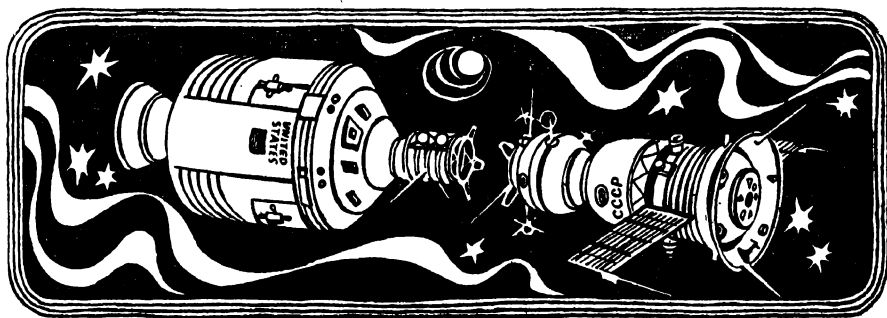
Международная стандартизация необходима не только в авиации.

Знаете ли вы, что показ фильмов за рубежом стал возможен благодаря тому, что по рекомендации ИСО были стандартизированы размеры киноплёнок? Теперь советскую киноплёнку можно заряжать в любой кинопроектор — хоть в итальянский, хоть во французский. Наши киномеханики тоже могут смело пользоваться иностранными плёнками.

А скоро стандарту предстоит добавить к своему титулу помимо слова «международный» ещё более звучное — космический. Все вы хорошо помните, как во время одного

чено советско-американское соглашение. Оно предусматривает создание одинаковых стандартных стыковочных устройств для советских и американских космических кораблей. Их первый совместный полёт намечен на 1975 год. Поднявшись в космос, корабли должны будут сблизиться, затем сработают стыковочные устройства, оба корабля превратятся в одно целое, откроются люки, и космонавты смогут перейти из отсеков одного корабля в другой.

Международное сотрудничество в космосе с каждым годом становится всё более прочным. В апреле 1972 года газеты мира обошло сообщение о запуске советского искусственного спутника Земли «Молния-1». Главной задачей спутника

из полётов американских астронавтов к Луне с их космическим кораблём «Аполлон» случилось что-то неладное. Астронавты вдруг почувствовали, что температура на борту корабля начала угрожающе повышаться.

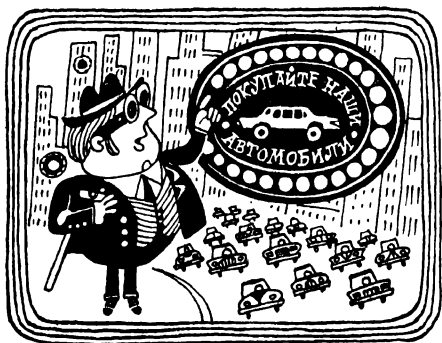
Допустим, что в этот момент рядом с терпящим бедствие американским кораблём оказался наш. Смогли бы советские космонавты помочь команде «Аполлона»? Конечно, нет. Потому что каждый корабль имеет свои собственные стыковочные устройства. Их размеры и конструкции не совпадают. Точно так же и американцы не смогли бы выручить советский экипаж, случись с ним беда.

Чтобы повысить безопасность космических полётов, было заклю-

чена передача программ центрального телевидения в районы Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии.

Само по себе это событие, конечно, значительное. Но на этот раз внимание общественности привлёк не сам спутник «Молния-1», а его пассажир — французский малый искусственный спутник Земли — МАС. Оба спутника были выведены на орбиту одним и тем же советским ракетоносителем.

Спутник «Молния-1» занялся своим делом — передачей телевизионных программ, а МАС принялся передавать на Землю сведения о том, как ведут себя помещённые на нём солнечные батареи. Надо сказать, что весь он по существу был большой батареей. Четыре из

его восьми граней были заняты рабочими солнечными щитами, четыре — экспериментальными. Зачем же французским учёным понадобилось выводить на орбиту свой «батарейный» спутник после того, как советские и американские спутники буквально избородили ближний космос?

Оказывается, солнечная батарея — важнейшая часть космических аппаратов. Она впитывает энергию Солнца и превращает ее в электрическую. От того, насколько мощны и долговечны батареи спутника, зависит его успешная работа. А долговечность их пока что невелика. Отлетает спутник положенное время, выдохнутся батареи — конец ему. Что толку, что он ещё много лет будет вращаться на своей орбите, всё равно он больше не сможет передавать никакой информации. Значит, и аппаратура спутника, и поднявшая его ракета пропали почти даром. Вот почему учёные всего мира стремятся увеличить долговечность батарей и уменьшить их вес, что тоже немаловажно.

Французские учёные установили на свой МАС невиданные раньше батареи. Они на 20 процентов легче своих предшественниц, а их мощность выше. К тому же новые батареи пластичны. Их можно из-

гибать в любую сторону, ничего с ними не станет. Значит, инженерам не надо беспокоиться о жёсткости конструкции спутника. Можно сделать его подвижным, складывающимся, каким угодно. Целый год новые батареи будут проходить испытание в космосе, и если они окажутся хорошими, начнётся их серийное производство. ИСО рекомендует и другим странам делать такие батареи. В результате стандартными станут не только батареи для магнитофонов и карманных фонариков, но и для космических аппаратов.

Может быть, вам показалось, что внедрение стандарта в жизнь за границей совсем простое дело? Достаточно специалистам ИСО составить рекомендации, и тотчас во всех странах мира всё начинает делаться по стандарту? Это далеко не так. Даже когда все стороны заинтересованы в стандарте, его не так-то просто разработать и тем более внедрить. Ведь никакие стандарты для частного предприятия необязательны. Любой владелец завода может их выполнять, а может и не выполнять.

«Кто же будет покупать плохие товары?» — спросите вы. А как узнать, какой товар хорош, а какой плох? Всемогущая реклама уверяет вас, что автомобиль замечателен, что он лучше всех других автомобилей по мощности, по скорости, по комфорту. Попробуйте-ка проверить, действительно ли его мотор развивает мощность 400 лошадиных сил? Для этого понадобятся приборы, несравненно более дорогие, чем сама машина.

«Ну, хорошо, — скажете вы, — мощность нужна для достижения максимальной скорости. Если нельзя проверить мощность, почему бы не проверить скорость?» Оказы-

вается, это тоже не просто. Ведь фирма всегда может ответить, что скорость 250 километров в час развигивает вполне исправная машина, а ваша разрегулирована. Наконец, крупная фирма может вообще пренебречь мнением рядового потребителя, даже не удостоить его ответом.

За мощным щитом рекламы частные фирмы нередко проделывали весьма неблагоприятные дела. Хозяин одного из американских предприятий, выпускающих электрические лампочки, дал своим инженерам задание добиться, чтобы эти лампы быстрее перегорали. Перегорела одна — приходится покупать у того же хозяина другую. Легковые автомобили тоже выпускаются с таким расчётом, чтобы они слишком долго не ездили. Через три-четыре года краска с американских автомобилей начинает слезать, протираются сиденья, и ещё недавно такие привлекательные машины становятся безобразными.

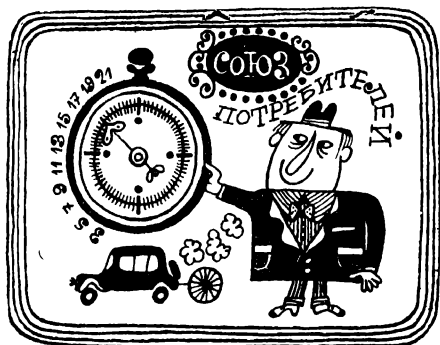
Трудно не изумиться изобретательности предпринимателей, стремящихся во что бы то ни стало увеличить свои прибыли. Казалось бы, что может быть долговечнее ножа для очистки картофеля? Купил один такой нож, и хватит его на десять лет. Но нет, это не устраивало фирму, которая их выпускала. Правда, она не стала делать ножи из сверхтонкой стали, это бросалось бы в глаза, ножи перестали бы покупать. Не пустили на лезвие и легкоржавеющую сталь. Это тоже было бы слишком заметно. Фирма стала окрашивать ножи в цвет картофельных очисток. Стоило упасть такому ножу в ведро с мусором — и увидеть его почти невозможно, он терялся. Фабрикант с удовольствием потирал ру-

ки — его доходы увеличились. Что же касается домашних хозяек, которые в самый неподходящий момент вдруг лишались нужного кухонного инструмента, то капиталисту до этого не было никакого дела.

Естественно, что терпению западных потребителей пришёл конец. Они решили защищаться. Так возникли потребительские общества. Союз потребителей США проводит регулярные проверки промышленных товаров. Затем результаты проверок публикуются в специальном журнале. Любой «человек с улицы», как любят говорить американцы, или домашняя хозяйка может за 50 центов приобрести такой журнал и выяснить, чего стоят заверения предпринимателей о высоком качестве их продукции. Конечно, Союз потребителей не в состоянии проверить все товары, зато если уж что-то проверяет, то делает это хорошо.

Не так давно в США стали популярны «компактные» автомобили. Для многих это было большой неожиданностью: ведь в течение долгих лет американцы строили самые дорогие и самые мощные машины. И вдруг оказалось, что малолитражки европейского типа стали очень хорошо раскупаться в Америке. Значит, не все в богатой Америке могли позволить себе покупку и содержание большой машины. «Компактные» машины покупали в основном люди небогатые, рядовые американцы, интересы которых в первую очередь защищает Союз потребителей. Поэтому Союз потребителей решил проверить качество основных компактных автомобилей, выпускаемых в США, — «Форд Фальконе», «Шевро-П», «Корвэр», «Рамблер Америкен» и «Додж-Дарт». Известно, что расхо-

ды на бензин, смазочные масла не-
безразличны автомобилисту. Мож-
но купить машину очень дешевую,
но пожирающую столько бензина и
масла, что поездки на ней окажут-
ся куда более дорогими, чем в са-
мом изысканном лимузине.

Поэтому эксперты Союза потре-
бителей решили установить, сколь-
ко бензина «компактные» машины
расходуют на километр пробега. Но
чтобы узнать это достаточно точ-
но, надо было так же точно изме-
рить пройденный машиной путь и
количество топлива, которое она
израсходует. Эксперты решили не

полагаться на показания автомо-
бильных приборов, а установить
свои, более чувствительные. К топ-
ливной системе машин подключили
устройства, измеряющие расход
бензина с точностью до 0,1 литра
на километр. А чтобы точно изме-
рить «километраж», к машинам
подсоединили по пятому колесу.
Понятно, что никакой нагрузки на
него не приходилось, единственной
его задачей было вращать счётчик.
Когда эксперты подвели итоги, са-
мой экономичной оказалась маши-
на «Додж-Дарт». К тому же си-
денья и обивка у неё были ком-
фортабельнее. Союз потребителей
признал эту машину лучшей и ре-
комендовал американцам отдавать
ей предпочтение.

Не легко Союзу потребителей за-
щищать интересы «человека с ули-
цы». Для того, чтобы проверить
все изделия, выпускаемые промыш-
ленностью, у него нет ни сил, ни
средств. Единственное, что могло
бы изменить положение, — это вве-
дение обязательных для промыш-
ленности стандартов.

Николай АЛТУХОВ

ЩЕНОК

*Просто валится с ног
Любопытный щенок.*

*Он обегал с утра
Закоулки двора.*

Что?

Где?

Как?

Почему?

Интересно ему.

*Он во всё сунет нос,
Что ни взгляд, то вопрос.*

Присмотрись:

У щенка

Хвостик вроде крючка,

И закручен он, как

Вопросительный знак.

КОТЁЛ

Столовую достраивали всем посёлком. Мужчины настилали полы, подшивали карниз. Женщины с подростками конопатили стены, таскали кирпичи, месили глину. К началу зимы, перед открытием промысла на пушного зверя, она была готова. Оставалось вделать в плиту котёл. Но с ним-то и была вся загвоздка! Котёл по ошибке завезли на полярную радиостанцию, и чтобы доставить его в посёлок, нужно было проехать на собаках не менее трёхсот километров по малоизвестной тундре, перевалить через гряду холмов, пересечь водораздел и по разлогу спуститься в порт, где находилась радиостанция.

За котлом поехал старый Чочой. Только он один знал по-настоящему дорогу к морю.

Чочой был очень польщён, когда собрание посёлка доверило ему такое важное общественное дело. Правда, он мог бы и не ехать: был он стар, его давно уже освободили от всяких работ, но от котла, можно сказать, зависел успех заготовки пушнины. Да, да! В этом году большинство женщин решили промыслить зверя. Они пойдут ставить капканы и помогать мужчинам ловить песцов. А если не будет столовой, они не пойдут на охоту. Так женщины и сказали, потому что им нужно сидеть дома и готовить семье пищу.

Чочой прокладывал дорогу по холодной заснеженной тундре. Чтобы легче скользила нарта, он останавливался, вынимал из-за пазухи фляжку с водой и смачивал широкие дубовые полозья каждый раз, как только ледяной слой на них стирался и облетал.

На четвёртые сутки упряжка пришла в порт, а на пятые Чочой возвращался с котлом обратно.

Десять собак, запряжённых цугом, дружно тащили нарту. День выдался тихий, с небольшим морозцем. Снег монотонно пел под полозьями свою бесконечную скрипучую песню.

— Яра-яра-ярай! — подбадривал Чочой собак. Он изредка оборачивался и постукивал кнутовищем по котлу. Старику нравилось, когда котёл, будто живой, отзывался, начинал трубить густым металлическим басом. Чочой улыбался и, попыхивая трубкой, снова стучал по котлу, ласково поглаживал ладонью широкое выпуклое днище. Ведь никому другому, а ему, Чочою, доверили привезти эту важную штуку!

Старик уже мысленно представлял себе, как обрадуются жители посёлка, увидев котёл. Они выбегут навстречу Чочою и бережно унесут котёл в столовую. Повариха Рольчина положит в него мясо, много-много положит, и затопит плиту. В столовую соберутся охотники с жёнами и детьми, сядут за столы. Рольчина нальёт им полные миски жирного оленьего супу. «Ешьте, ешьте, — скажет она. — Кому надо добавку, поднимите руку». — «Ах, какой вкусный, наваристый суп! — воскликнут собравшиеся. — Мне, Рольчина, добавку, мне ещё черпачок. Какой замечательный котёл привёз нам Чочой!» Все будут смотреть в его сторону и улыбаться. И пожимать руку.

От этой мысли, оттого, что радость людей — его радость, у старика сладко замирало сердце.

На третьей сутки пути нарта вышла на холмистую местность. Теперь дорога лежала среди сопок и бугров. Частые повороты, подъёмы и спуски, изматывали собак. Там, где подъём был очень уж крут, Чочой слезал с нарты и, упёршись руками в котёл, толкал его сзади.

В один из дней с южных гор спустился туман и закрыл тундру. Чтобы не наткнуться на валуны, на камни, Чочой пробирался осторожно, ощупью. В просветах мельтешили сопки, бугорки, камни. Многие бугорки, как в сказке, превращались в живые существа, перебежали с одного места на другое и исчезали в белесоватой дымке.

Весь день белые полярные волки не теряли из виду упряжки. Они появлялись то в одном месте, то в другом. Со всех сторон доносился вой. Чочой сидел на нарте как на иголках, поминутно оглядывался и торопил собак. На всякий случай он вынул из чехла карабин и положил его вместе с патронами возле себя.

Вскоре Чочой столкнулся с матёрым волком. Вслед за первым показался второй, третий, четвёртый... Прячась за бугры, за камни, волки по-двое, по-трое перебежали дорогу, стараясь окружить упряжку. Собаки, поджав хвосты, шарахались в стороны, тявкали, рвались из лямок, сбивались в кучу.

«Чочой,— слышалось старику.— Столкни котёл с нарты, не человека везёшь. На десяти собаках, порожняком, выйдешь из окружения». Но будто другой голос говорил иное: «А какими глазами будут тогда смотреть на тебя люди? Ты подвёл нас, старик,— скажут прежде всего женщины,— не оправдал доверия, сорвал заготов-

ку пушнины. Мы приготовили капканы, приманки, собрались промыслить песцов, а котла нет, не привёз, волков испугался».

— Нет! — с сердцем крикнул Чочой. Он щёлкнул кнутом. — А ну, работяги, выручай! Дружней давай, дружней!

Спустившись с сопки, Чочой выехал на равнину, но, сообразив, что, прежде чем он достигнет цели, волки могут его окружить и сомкнуть кольцо, старик повернул вправо, к глубокому оврагу. Там была скала, под которой можно укрыться.

Правая цепь волков тоже устремилась к оврагу, пытаясь оттеснить от него упряжку.

Старик непрерывно вынимал из сумки одну обойму за другой и, пока они не опустели, стрелял, стрелял... Собаки неслись вскачь, нарта прыгала на застругах, взлетала вверх, ныряла в ямы, котёл ёрзал, звякал. Волки всё наседали. Но и скала уже рядом. Вон она! Высокая, чёрная, с глубокими нишами, впадинами.

— Ещё немного, ещё! — подбадривал Чочой собак. — Борзый, Кенчик, Мымылы! Сильней, сильней! Так, так!

Но вот одна из собак, обессилев, рухнула на бок и, попав под полоз, затормозила упряжку. Нарта вильнула вбок. Упряжка, никем не управляемая, рванулась к оврагу, но тут же, развернувшись, устремилась в сторону волков.

Чочой непрерывно барабанил прикладом карабина по котлу, отпугивая хищников. Котёл, будто от боли, вздрагивал от ударов, дребезжал, гудел. Волки не отступали.

Собаки, предоставленные самим себе, кидались то вправо, то влево. Наконец они понеслись в лощину. Обычная тундровая лощина, кочковатая, с глубокими ямами была забита свежим рыхлым снегом. С разбегу нарта врезалась в снег, ударилась бортом о выступ. Котёл слетел, перевернулся вверх дном и лёг одним краем на высокую кочку. Упряжка остановилась. Хищники подступали к собакам почти вплотную.

— Куда, куда? — прятась за котёл, что есть мочи кричал оторопевший Чочой. — Вон пошли, вон, вон!

Изловчившись, старик перехватил карабин за ствол, размахнулся и запустил его в хищников. Потом он выдернул нож и обрезал постромки.

Получив свободу, собаки рванулись в тундру. Но хищники быстро настигали их и тут же, мгновенно, разрывали. Они бежали теперь за последней жертвой. Чёрный большой пёс вихрем летел по равнине. Это был Соболь, вожак, самый умный и сильный из всей упряжки. Он нёсся вдоль каменной гряды. Соболь вполне мог рассчитывать на удачу, если бы не остатки ременной упряжи. Они тащились по снегу, заплетались за ноги. Часть волков погналась за Сободем, а остальные перебежали на другую сторону гряды и, опередив вожака, залегли в камни караулить добычу.

Чочой стоял, вытянув вперёд руки, и шептал:

— Соболь, дружок!.. Нагоняют!.. Не сдавайся!..

Соболь не слышал хозяина. В этот момент хищники, выскочив из засады, кинулись ему навстречу. Соболь повернул было обратно, но перед ним, ошетинаясь клыками, мелькнула волчья пасть. Соболь отбросил плечом волка, прыгнул на высокий камень, затем на второй, на третий... Дальше всё слилось и поплыло в глазах старика. Он плакал.

Пока волки не затерялись среди валунов, Чочой стоял и долго смотрел на опустевшую тундру. Жаль ему было собак, жаль Соболя. Сколько раз он в кромешную тьму, в пургу находил дорогу к жилью.

Чочой подошёл к валявшемуся среди кочек котлу:

— Отъездили мы с тобой, дружище. Нет у нас больше собачек, нет упряжки. Потопаем домой на своих двоих. Слышишь? Ну вот. Положу тебя на нарту и повезу в посёлок. Ничего, дотащу. Весу-то в тебе — кулик наплакал!

Чочой хотел уже приступить к делу, как в том направлении, где скрылся Соболь, появилось маленькое серое пятно. Оно всё увеличивалось и бесшумно катилось по снегу. «Не упряжки ли едут?» — оживился старик. Но тут же колючий холодок скользнул по его спине: волчья стая возвращалась обратно. Волки бежали крупной рысью. Они совсем уже близко. Хорошо видны их угловатые головы. Чочой забежал возле нарты, схватил сумку из-под патронов, мешочек с едой, кнут. И тут его взгляд упал на котёл, край которого упирался в кочку и был приподнят. Старик торопливо снял с себя широкую меховую кухлянку и, оставшись в ватнике, заполз под котёл.

Яма между кочками оказалась достаточно глубокой. Чочой ещё её углубил, выкидав снег. К тому же старик был небольшого роста и мог сидеть под котлом почти не сгибаясь. Потом он сообразил, что хищники могут воспользоваться тем же лазом, упёрся коленями в нижнюю кромку котла и короткими рывками стал его толкать. Котёл шевельнулся и осел немножко глубже, хотя щель полностью не закрылась. Вооружившись ножом, Чочой приготовился охранять вход в убежище.

Волки, окружив котёл, прыгали через него, царапали лапами, рычали. Один волк даже лизнул настывший на морозе чугунный колпак, но тут же с визгом отскочил.

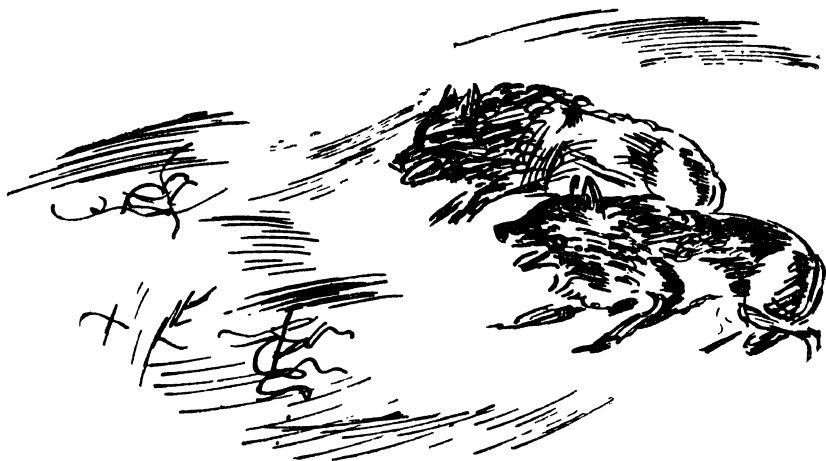

Чочой стучал рукояткой ножа по котлу, кричал — волки не отступали. Припав к лазу, они совали под котёл морды, принюхивались, сталкивались один с другим, дрались. Старик защищался как мог. Он достал из кармана кисет с табаком, трубку, спички и, закурив, стал отпугивать волков дымом.

— Вот вам, гады, вот! Натё, жрите! — обкуривая лаз, ругался старик. Волки кашляли от махорочного дыма, чихали, фыркали, давились, но котёл не бросали.

Борьба продолжалась до ночи. А потом началась позёмка. Запуржило. Ветер гулял по тундре, заметал ямы, ставил сугробы, заглядывал под котёл. Старик дрожал от холода, ёжился: ватник грел плохо.

Волки под котёл больше не лезли. Но они не ушли, притаившись, лежали возле лаза. Старик почувствовал вдруг непреодолимую тяжесть и усталость во всём теле. Мысли путались, в ушах шумело, голова бесильно опустилась на грудь... Ему казалось, что с ним ничего не произошло. Он просто прозяб в дороге. Такая была пурга! Теперь ему хорошо, тепло, он дома, печь жаром пышет. Да, да... жаром... ну

ничего... Надо отдохнуть с дороги, а потом... А собаки?... Ещё нажим, ещё! Так, так!.. А потом... потом... Сесть поудобнее, протянуть ноги и... ноги... Вот так...

Притулившись к стенке котла, Чочой не почувствовал, как одна нога его медленно разгибалась-разгибалась и высунулась из-под котла в щель...

Старик страшно закричал спросонок, отдернул ногу. Но волк стиснул ступню клыками и не отпускал. Повернувшись набок, хищник упёрся задними лапами в кочку и всё дальше и дальше проталкивал лобастую голову под котёл. Чочой ударил хищника ножом в горло. Волк выдернул голову из-под котла и, пошатываясь, заковылял подыхать.

Старик пощупал укушенную ногу, пошевелил пальцами. Боли не было. Спасли толстые, спитые из оленьих шкур унты-торбаса и носки-чижи. И почти сразу же до слуха Чочоя донеслись отдалённые выстрелы и собачий лай. «Кто бы это мог быть? Не наши ли? Наверно, ездили ставить для песцов капканы и наткнулись на волков...»

Выстрелы нарастали, становились всё ближе и настойчивее. Среди волков поднялись визг, возня... «По волкам бьют, по волкам!» — обрадовался Чочой.

— Сюда, товарищи, сюда! — закричал старик. — Я под котлом! Спасите!

Чочой толкал котёл плечом, коленями, хотел сдвинуть его с места, опрокинуть, выйти из убежища. Котёл будто в землю врос, ни с места. Старик прильнул ухом к стенке, прислушался. Тихо. Нет ни выстрелов, ни собачьего лая.

— Уехали, — прошептал Чочой, — не увидели...

Потеряв надежду на помощь, Чочой высунул голову из-под котла, огляделся: пурги нет. Утро. Солнце над сопками. Убедившись, что волки убежали, он вылез из укрытия, протёр слезившиеся от яркого света глаза: нет котла! Пропал.

— Вот чудо! — удивился старик. — Где же он?

А котёл рядом. Разве увидишь его под снегом? И нарту пургой замело.

Чочой надел брошенную ранее кухлянку, переобулся, достал из мешочка сухой паёк — галеты, пожевал и, погрузив на нарту котёл, отправился в путь...

Шёл Чочой час, два часа шёл, пять, а тундре, казалось, конца нет.

Времени было уже далеко за полдень, когда старик увидел на горизонте дымки. «Посёлок, посёлок! — обрадовался Чочой. — Теперь уже недалеко, скоро и дома покажутся».

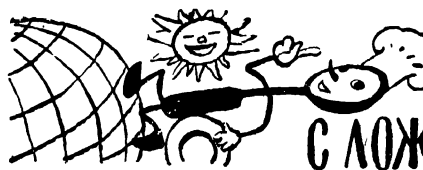
Чочой спустился в небольшую ложину, обогнул сопку и вышел на широкую, гладкую равнину. А вон и дома! Среди них новое здание общественной столовой, на крыше красный флаг. Но что это? Чочой остановился. Навстречу ему мчатся три упряжки. «Наши, наши! — обрадовался Чочой. — Заметили!»

— Какомэ-эй, какомэ-эй! — подъехав к Чочою, закричали от изумления охотники. — Чочой, Чочой! Что случилось? Где собаки?

Чочой рассказал товарищам историю своих дорожных приключений. Бригадир Каант обнял Чочою и крепко пожал ему руку.

— Спасибо тебе, дорогой Чочой, что котёл не бросил. Не найти бы его нам под снегом до самой весны.

А через два дня прибежал из тундры в посёлок и Соболев. Лапы его сочились кровью, на голове и боках были глубокие ссадины.

ИСТОРИЯ ОБЕДА, или С ЛОЖКОЙ ПО ВЕКАМ И СТРАНАМ

Книги с таким названием, к сожалению, ещё нет. А будь подобная книга написана, она оказалась бы чрезвычайно увлекательной и чрезвычайно... объёмистой! Ведь искусство кулинарии родилось, можно сказать, вместе с человеком, и профессию повара вполне можно считать самой древней на земле.

До того, как человек перестал бояться огня, он питался сырым мясом и сырой рыбой. Но едва научившись пользоваться огнём, он сразу же стал поваром, а самой первой кулинарной операцией, которую он произвёл, было поджаривание мяса на костре. Учёные относят это ко времени первобытнообщинного строя. Вот и получается, что искусство кулинарии живёт уже более миллиона лет.

И всё это время, в течение многих веков, ежедневно приготавливая себе пищу, человек только и делал, что изобретал. Одних только кулинарных справочников, поваренных книг и сборников разнообразных кулинарных рецептов на свете существуют десятки тысяч, причём в каждой стране свои, особые. А вот книги, которая рассказывала бы не о рецептах, а об истории кулинарии как искусства, о гастрономических нравах и кулинарных обычаях разных народов на протяжении всей истории человечества, пока нет. Впрочем, это понятно. Такой труд, пожалуй, не под силу одному человеку...

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Лучшее описание греческих пиров оставил нам Гомер. Перечитайте «Одиссею». Вы узнаете, что в Греции не было поваров, пищу готовили главным образом женщины. Но часто можно было видеть, что приготовлением обеда занимались и суровые воины, и даже царские дети.

Древнегреческий философ и мыслитель Сократ оставил нам изречение, которое следует вспоминать почаще: «Человек ест, чтобы жить, но не живёт, чтобы есть!»

Известно, что спартанцы всегда во всём экономили. Те же, что родом из Лаконии, экономили даже на словах. Отсюда и выражение «лаконичный». На еде они экономили следующим образом. Один странствующий спартанец купил небольшую рыбёшку и решил попросить хозяина, у которого он остановился, чтобы тот приготовил её. Хозяин согласился, но потребовал ещё масла, сыра и уксуса. На это спартанец возразил: «Будь у меня масло, сыр и уксус, я не покупал бы рыбы!»

ДРЕВНИЙ РИМ

В Древнем Риме кулинарные школы появились ещё в третьем веке до нашей эры. Тогда же были написаны первые учебники по кулинарии. Повара в Древнем Риме были свободными и знаменитыми людьми.

Римляне обедали, лёжа на специальных ложах около низких столов. Тарелок у них не было. Пищу клали на круглые ломти хлеба, которые потом раздавали бедным.

Самое роскошное и любимое блюдо римлян — жареный павлин, из которого во время обеда вылетали живые птицы.

ДРЕВНИЙ

ЕГИПЕТ

В музеях древнеегипетского искусства хранится немало изображений женщин, растирающих зёрна пшеницы с помощью жерновов. Духовка, дрожжи, кислый хлеб и оладьи пришли к нам из плодородных долин Нила. Даже пиво изобрели древние египтяне.

Ещё пять тысячелетий назад египтяне возделывали лук. Во времена фараонов лук приносили в жертву богам.

В Древнем Египте была широко распространена слава об исцеляющем действии чеснока. Слава эта была столь велика, что со временем чеснок был обожествлён, и употребление его в пищу было запрещено.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЕК

Среди воинов графа Люксембургского было много брюссельцев. Ранцы их были туго набиты, а повозки нагружены доверху. Однажды случилось так, что у графа не хватило боеприпасов, и он приказал брюссельцам открыть ранцы, надеясь найти в них патроны. Но там оказались лишь бутылки с напитками да жирные куры. Брюссельцы проиграли сражение, зато приобрели прозвище любителей курятины, которое сопутствует им и поныне.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Путешествия Колумба и Васко да Гамы открыли европейцам экзотические страны — Индию и Северную Америку. Европу покорили восточные пряности. Они ценились дороже золота. Ими расплачивались как драгоценным металлом.

Однажды испанская королева получила от одного корабельного врача необыкновенный подарок — индейский перец. Это был удивительный красный порошок, которым индейцы приправляли свои блюда и напитки, утверждая при этом, что в красном плоде живёт сам бог огня. Так

началось путешествие красного перца на восток, хотя вначале он выращивался лишь как декоративное растение, как редкость ботанических садов.

Лучшей в пятнадцатом веке считалась венгерская кухня.

ШЕШТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Суп не является изобретением итальянцев. Однако слово взято из их языка. «Суп» на итальянском языке означает что-то размягчённое, что можно пить.

В шестнадцатом веке супа в Италии не знали. Пятьсот лет назад один из римских поваров рассказывал о приготовлении блюда, которое он называл супом, так: «В горшок я кладу окорок, два фунта говяжьего мяса, один фунт телятины, молодого цыпленка и молодого голубя. После того, как вода закипит, я добавляю специи, зелень и овощи. Мой господин мог есть это блюдо шесть недель подряд».

Из Италии искусство хорошо поесть перешло во Францию. Его привезла Мария Медичи, вернее, её первоклассные повара. С тех пор французская кухня стала считаться лучшей в мире. Повара во Франции всегда занимали важное положение, за ними ухаживали, перед ними заискивали, им во всём угождали...

На одном из дворцовых обедов при Людовике XV был подан торт, изображавший иллюминированный дворец. В тот момент, когда торт поставили на стол, из него вылетел ослепительный фейерверк.

Французской кулинарии присущи две важные особенности. Первая — приготовление пищи и еда для французов так же важны, как умение вести беседу. Вторая — кулинария у французов — искусство одухотворённое. Салатам они дают названия опер — «Аида», «Кармен», «Миньон». Многие блюда носят поэтические названия. Среди известнейших поваров нашёлся даже один, который писал свои кулинарные рецепты и перекладывал их на старинную музыку.

В Саксонии вершиной кулинарного искусства стала коврижка. Впервые её попробовали там в шестнадцатом веке. Саксонские князья дарили своим друзьям это чудо из муки, масла, сахара и изюма, которое могло достигать длины скамейки.

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

Русская кухня отличалась необыкновенным разнообразием. Одно из самых лакомых блюд русских вельмож — лебеди в соусе с ломтиками калача.

Сахар в Россию привозили из-за границы. Он бывал только на царском столе.

В русской кухне особенно много было мучных и рыбных блюд. Пирог, оладьи, блины чередовались также со

множеством различных солений — солёных и квашеных овощей, грибов, ягод. Русские всегда в большом количестве употребляли лук, чеснок и шафран.

У простого народа в России самым распространённым блюдом была каша. И кашевар, который умел хорошо варить её, всегда был в почёте. В то время и появились такие пословицы и выражения: «С ним кашу не сварить», «Заварить кашу», «Сапоги просят каши»...

8 ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

При Петре I состоялось в России знакомство с картофелем. Поначалу он был принят очень враждебно.

Французский писатель Жан-Жак Руссо прославился ещё и тем, что великолепно приготавливал омлет.

А знаменитый итальянский композитор Джоаккино Россини славился не только своими замечательными операми, но и несравненными салатами, которые приготавливал с необыкновенным мастерством.

Появился первый ресторан. Название родилось следующим образом. Некий Буланже, парижанин, решил привлечь в свою таверну побольше посетителей. Он поставил мраморные столы без скатертей, а у входа в таверну повесил вывески на латинском языке: «Приходите ко мне все, у кого работает желудок, и я восстановлю ваши силы». «Восстановить» по-латыни «реставрировать». Отсюда и возникло название — «ресторан».

9 ГЛАВА

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Однажды Наполеон заметил, что обыкновенная курица, если её хорошо приготовить, — очень вкусное блюдо. Он поделился своим наблюдением с поваром. Тот ответил: «Если вашему величеству будет угодно, я могу каждый день готовить курицу по-иному». — «Разве существует 365 способов приготовления её?» — удивился Наполеон. «Существует!» С тех пор Наполеон с интересом и вниманием следил за своим обедом, проникся уважением к гастрономии и стал брать повара с собой в походы.

Автор «Трёх мушкетёров» французский писатель Александр Дюма был страстным собирателем кулинарных рецептов. Всюду, куда бы его ни забрасывала судьба, он записывал рецепты приготовления местных блюд. Так он составил огромную книгу — «Большой кулинарный словарь», вышедшую после его смерти.

Великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь очень любил готовить. Об этом вспоминает Аксаков. Рассказывая о том, с каким увлечением Гоголь приготавливал макароны с сыром, он пишет, что если б Гоголь не был великим писателем, то он непременно был бы великим кулинаром, а говорил он о еде так увлекательно, что и у мёртвого родился бы аппетит.

Друг Пушкина, писатель и музыковед В. Одоевский, тоже был заядлым кулинаром. Под псевдонимом г-н Пуфф

он постоянно писал в «Литературной газете» о разных способах приготовления пищи, о культуре стола, быта и т. п.

Одна из выдающихся фигур девятнадцатого века — французский повар Карем (1784—1833), ученик известного повара Наполеона — Ланопьера. Карем необыкновенно серьёзно подошёл к кулинарному делу и долго изучал древнеримскую кухню. Он много лет служил у разных вельмож: у Талейрана, у французских и английских королей, у русского царя Александра I. Но затем ему вдруг захотелось поехать в Вест-Индию. Там он попал в гости к дикому племени мимазакуа, которое отличалось необыкновенным пристрастием к еде. Карем начал кормить дикарей такими соусами и рагу, что племя провозгласило его королём. Много лет провёл Карем, деля свои дни между обязанностями короля и повара. Но потом он всё же решил вернуться в Париж, где написал несколько интереснейших книг по кулинарии, которые до сих пор читаются с большим интересом. Карем был настоящим артистом своего дела. Его называли поваром королей и королём поваров.

ВИЛКА. Появилась во Франции в XVI веке при Генрихе IV. Сначала была с двумя зубцами, потом с тремя и, наконец, с четырьмя.

САЛФЕТКА. Появилась в Древнем Риме. Поначалу была асбестовая. Её чистили в огне. До этого римляне ели руками и мыли руки в розовой воде. Позднее салфетки появились в Испании у короля Карла V, затем во Франции. Людовик XV имел даже целый штат слуг, занимавшихся только складыванием салфеток. Это считалось сложным делом, которому учились несколько лет.

ТАРЕЛКА. Впервые появилась во Франции при коронации Людовика XII в 1498 году. Примерно до XVI века во многих странах пользовались только одной тарелкой в течение всего обеда, для всех блюд, а объедки при этом выбрасывали под стол.

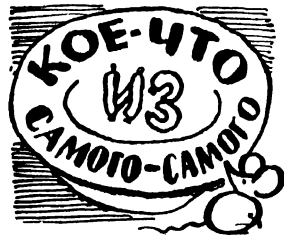
КАРТОФЕЛЬ. Не сразу получил признание в Евро-

пе. Своей популярностью обязан французскому аптекарю Пармантье, который, посадив картофель около своего дома, приставил к нему сторожей. Но сторожа охраняли картофель только днём, а ночью любопытные соседи могли поближе познакомиться с диковинным плодом. Хитрость аптекаря удалась. Вскоре картофель стали выращивать по всей Европе.

КАША. Древнейшее блюдо. Ещё в древнем мире она была символом женской домовитости. Во Франции долго существовал обычай — при вступлении в брак жених и невеста должны были при свидетелях вместе сварить и съесть кашу.

САМЫЙ древний хлеб обнаружен в гробнице царицы Древнего Египта Хатшеут. Его «возраст» — более трёх с половиной тысяч лет.

САМОЕ увесистое блюдо — жареный верблюд. Этот деликатес — традиционное украшение свадебного пиришества у бедуинов. Приготавливается оно так: варёные яйца тушатся в рыбе, рыба тушится в варёных курицах, курицы ту-

шатся в жареном баране, а баран запекается в верблюжьей тушу.

САМЫМ распространённым продуктом питания

среди людей всего земного шара является рис. На втором месте — пшеница.

САМАЯ большая в мире сковорода находится в итальянском городе Камольи (берег Лигурийского моря). Диаметр сковороды — почти пять метров. Во время праздника рыбы сковорода устанавливается на главной площади города, и на ней зажаривается пять тонн рыбы. Ни один

из 50 тысяч участников праздника не остаётся обиженным.

САМОМУ древнему вину, сохранившемуся до наших дней, исполнилось 1600 лет. Амфора с этим вином была найдена около Шпейра (ФРГ) при раскопках римской гробницы, относящейся к III веку нашей эры. Сейчас это вино хранится в музее города Шпейра.

САМЫЙ огромный торт испекли кондитеры Рио-де-Жанейро ко дню празднования 400-летия своего города. Это был торт высотой 45 метров и весом 1300 килограммов. Каждый из 24 тысяч приглашённых

Можно научиться варить и жарить, но научиться готовить соус нельзя, для этого нужен талант и с этим талантом надо родиться.

Всякий соус должен подчёркивать вкус кушаний, но ни в коем случае не подменять его.

В кулинарном деле, как и в любом другом искусстве, простота — признак совершенства.

Умение печь — это умение, которому можно научиться, жарить — это талант, с которым надо родиться.

получил кусок этого деликатеса.

САМЫЙ древний сорт колбасы — кровавая. О ней рассказывают ещё древние римские хроники.

САМАЯ редкая профессия — это, очевидно, «слушатели сыра». В итальянском городе Парме, где производят сыр «пармезан», есть несколько специалистов, которые «слушают сыр». Ударяя по сыру серебряными молоточками, они по звуку определяют, «дозрел» ли он.

САМЫЙ древний котёл был найден участниками Северокавказской археологической экспедиции в кур-

гане чечено-ингушского села Бамут. Учёные определили, что кованый бронзовый котёл — самый древний в мире. Ему более 4000 лет. Сделан он, видимо, в начале железного века, в скифские времена.

САМЫЙ древний окорок обнаружен при ремонте здания в городе Мюнхене (ФРГ). Он был приготовлен 200 лет назад, но прекрасно сохранился и годился к любому столу.

В книге о кулинарии много ещё любопытных сведений, фактов, рецептов, но ведь книги-то такой нет!.. А наши странички тоже подошли к концу.

жен влить масло. А повара-художник должен смешать салат.

Поел — сердцем подобрел.

Кто торопливо ест и пьёт, на свете долго не живёт.

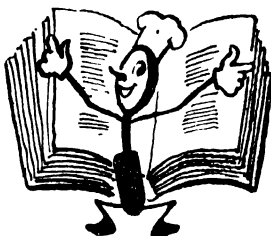
Тот, кто принимает своих друзей, не заботясь о том, чем их угостить, не достоин того, чтобы иметь друзей.

Старинная славянская поговорка говорит: «Завтрак съешь сам, обед подели с другом, а ужин отдай врагу».

Необходимое качество повара и гостя — точность во времени.

Несколько поваров могут испортить кашу, но салат — никогда. Народная итальянская мудрость гласит: салат должны готовить четыре повара. Первый повар должен быть скупым — он приправит салат уксусом, повар-философ должен добавить соль, повар-молт дол-

УЛИЦА ПИОНЕРСТРОЯ

Так в честь 50-летия Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина названа новая магистраль, появившаяся в нашем городе совсем недавно. Эта улица проходит по бывшей линии обороны города в годы Великой Отечественной войны в Кировском

районе. Она протянулась от Петергофского шоссе до проспекта Ветеранов.

Проект застройки новой улицы составлен с учётом предложений школьников. Они предполагают сделать её самой зелёной и нарядной в районе.

ВОТ ЭТО СЕМЬЯ!

Бразильцу Раймундо Карнауба — 58 лет, его жене Жозимар — 54. У них... 38 детей! (24 дочери и 14 сыновей). Самому старшему из них исполнилось 38 лет, самой маленькой девочке — три месяца. Чтобы вывезти их всех за город требуется... автобус. Раймундо работает шофёром в бразильской столице.

Когда Раймундо спросили, доволен ли он такой многочисленной семьёй, он сказал: «Если детей будет ещё больше, а я надеюсь на это, я буду только рад. Мы с женой очень любим детей».

САМЫЙ КРУПНЫЙ

Клад древних монет нашли школьники Саша Дроздов и Миша Баранов у деревни Казъянки, возле Полоцка. Это оказался самый крупный клад древних денег, найденный на территории СССР. В кладе насчитывается 8 тысяч серебряных монет с надписями на арабском языке.

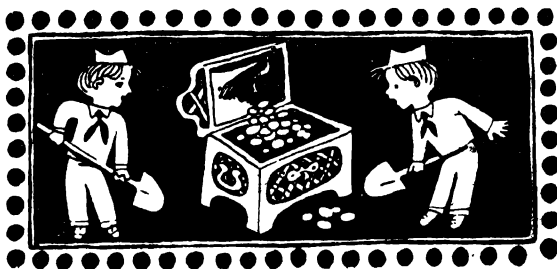
Деньги отчеканены в VIII—IX веках в Багдаде, Самарканде, Бухаре, Мерве.

В находке школьника содержится почти столько же дирхемов (так назывались монеты тех времён), сколько их было обнаружено на территории нашей страны за 200 предшествующих лет.

РЫБА — ПОЧТОЙ!

Английский учёный-зоолог Т. Равенсдейл разработал новый эффективный препарат — «пропонсит 7.464». После инъекции этого препарата рыба может оставаться без воды в течение 48 часов и восстанавливать жизненные функции.

Чтобы продемонстрировать свое изобретение, учёный вложил золотую рыбку в обыкновенный конверт и отправил её по почте своему другу. Выпущенная в воду после столь необычного путешествия рыбка как ни в чем не бывало продолжала плавать.

...часы на Спасской башне Кремля существуют с древних времён! Учёные предполагают, что они установлены в 1491 году, сразу же после постройки башни. В летописях, относящихся к XVI веку, уже упоминается о часах на Спасской башне. Нынешние часы — четвёртые. Они занимают три этажа. Механизм боя часов состоит из десяти четвертных колоколов и колокола, отбивающего полный час. Часовой механизм, общий вес которого примерно 25 тонн, заводится электромотором два раза в сутки. Один маятник весит более 30 килограммов.

...гербарий высших растений, собранный в Ботаническом институте имени В. Л. Комарова Академии наук СССР, насчитывает почти пять миллионов гербарных листов! Растения доставлены со всех материков земного шара. По богатству и ценности собранных в нём коллекций гербарий ленинградских ботаников стоит на одном из первых мест в мире.

...необычный музей создан на лесопильном заводе в Гайновке (Беловежская пушча)! Здесь собраны предметы, найденные в стволах вековых деревьев. Чаще всего в них встречаются пули и снаряды разных эпох, металлические скобы, гвозди, цепи... В дуплах рабочие лесопилки находят и «клады» в виде старинных монет или ценных предметов. Даже в де-

ревьях, привезённых из Африки и других континентов, скрываются «сюрпризы». В стволах красных и ореховых деревьев частенько прячутся скорпионы.

...«картинная галерея» обнаружена армянскими археологами в горах Севана, на высоте почти трёх тысяч метров над уровнем моря! Она простирается в длину на два с половиной километра. Рисункам несколько тысяч лет. Они выполнены на скалах и отображают сцены охоты, приручения животных, различные ритуалы. Отдельные композиции состоят из 50—70 фигур.

...на полуострове Лабрадор группа канадских геологов обнаружила остатки древних поселений! Геологи полагают, что в них жили викинги, которые, по-видимому, достигли американского континента около тысячи лет тому назад. Викинги были искусными кораблестроителями и отличными мореплавателями. Геологи нашли остатки трёх поселений, в общей сложности около ста жилищ. Интересно, что эти жилища были сооружены наподобие пчелиных ульев.

...инженеры нашего города сконструировали часы без... механизма! «Сердцем» хронометра стал крохотный кристалл кварца, который выполняет функцию элемента, задающего время. Электронная схема из нескольких кристаллов различных веществ преобразует колебания кварца и выдаёт время на табло светящимися цифрами. Кварцевые часы величиной в папиросную коробку очень точны.

...гончар, работающий на Ивенецкой фабрике художественных изделий (Белоруссия) Франц Томишевский задумал заставить петь... глину! Вначале он изобрел инструмент — «акарину», из которого лились чарующие звуки. Затем сделал глиняную гитару и назвал её «гитарина». В печах для обжига находят и детали органа, задуманного и сконструированного Францем Игнатовичем всё из той же глины. Никто не сомневается в удаче и этого эксперимента. Недаром умельца зовут на фабрике «королём глины».

...в городе Быдгощи (Польша) работник водоспасательной службы изобрёл шлем, в котором... не утонешь! Этот остроумный головной убор состоит из двух полос пористого стирола, скреплённых эластичными лентами. В случае опасности переднюю полосу передвигают под подбородок, и голова тонущего удерживается на поверхности. Шлем весит всего 200 граммов, а удерживает, даже при сильной волне, взрослого человека.

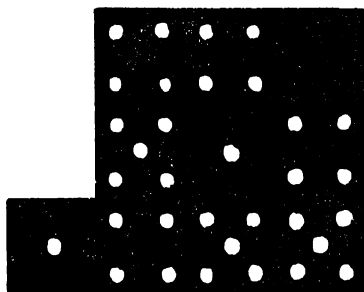
...у деревни Стелмуже в Восточной Литве растёт самый древний и самый громадный в Европе дуб! Дендрологи утверждают, что зелёному «патриарху» не менее двух тысяч лет. Под его густой и раскидистой кроной свободно укрываются от дождя... сто человек. Местные жители считают этот дуб «ровесником» Юлия Цезаря.

Разгадайте чайнворд, а затем впишите в горизонтальные клеточные ряды две пословицы. В каждой пословице будет, следовательно, 21 буква, причём 10 из них станут вам известны в процессе разгадывания чайнворда. Сумеете вы найти недостающие 11 букв для каждой пословицы? Попробуйте.

Значения слов чайнворда. 1. Задача, в которой предлагается вписать в пересекающиеся клеточные ряды определённые слова. 2. Доза лекарства для однократного приёма. 3. Опера Джузеппе Верди. 4. Земельная мера в Англии. 5. Инструментальная фантазия на темы народных песен и плясок. 6. Остров, входящий в состав Индонезии. 7. Река Восточной Сибири. 8. Наём на известный срок земли или помещений с правом пользования ими. 9. Специалист в области сельского хозяйства. 10. Гигантская бегающая птица, до начала XIX века обитавшая в Новой Зеландии. 11. Фруктовое дерево с плодами, напоминающими одновременно и яблоко и грушу. 12. Травянистое тропическое растение с соплодиями, напоминающими как бы мясистую шишку до 5 килограммов весом, кисло-сладкую и ароматичную. 13. Специальный сосуд для газированной воды. 14. Минеральная вода. 15. Обработанное поле. 16. Лицо, создавшее какое-либо произведение. 17. Усердие, большое старание к чему-либо. 18. Лесная ягода, напоминающая по виду малину.

ДОМИНО

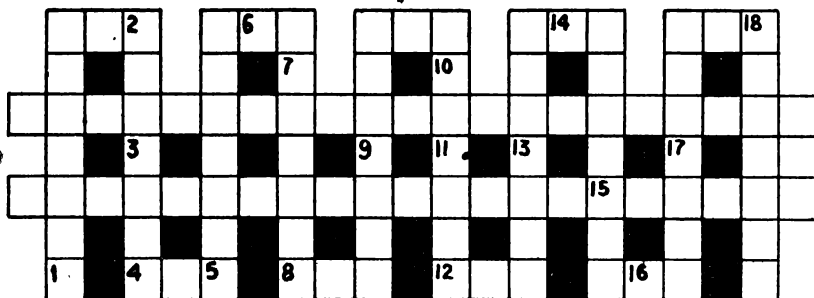

Из каких косточек одного набора домино сложена эта фигура?

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

В этом ребусе зашифровано название литературного произведения. Попробуйте разобраться в ребусе и ответить на вопрос: кто автор этого произведения?

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 10]

КРОССВОРД

По часовой стрелке. 1. Бег.
2. «Сон». 3. Док. 4. Бас. 5. Сад.
6. Чум. 7. Пыж. 8. Рок. 9. Нил.
10. Тон. 11. Том. 12. Фут.

Против часовой стрелки. 1. Бум.
2. Сет. 3. Дог. 4. Бон. 5. Сак. 6. Час.
7. Пуд. 8. Рим. 9. Нож. 10. Тик.
11. Тол. 12. Фон.

ГОЛОВОЛОМКА

Дуров. Бажов.

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

«Капитанская дочка».

ПЛЕТЁНКА

1. Не тот друг, кто потакает, а тот
кто помогает.

2. Хороша вещь, пока новая, а
друг — когда старый.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Полтава.

Содержание

Ночь и пламень. Глава из поэмы Георгия Трифонова . . .	1
Сиразузовы против Лапных. Продолжение повести Якова Длуголенского	4
Миниатюры. Стихи Валерия Нестерова	17
Это корабль. Очерк Вл. Муница .	18
Кран на стройке. Стихотворение Е. Русакова. Горланит горная река... Стихотворение Л. Замятнина	27
Вокруг кувшина. Водевиль Д. Ильякова	28
Ночь. Мороз... Стихотворение Геннадия Морозова	42
Международный регулировщик. Очерк Вадима Белоусова . .	43
Щенок. Стихотворение Николая Алтухова	48
Котёл. Рассказ Ф. Зубарева .	49
История обеда, или с ложкой по векам и странам. Статья И. Константиновой	55
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки плакат художника П. Вискова «Праздник».

На 2-й странице обложки фотозтюд О. МIRONЦА «Праздничные огни».

На 3-й странице обложки фотография С. Майстермана (ТАСС) «Кто быстрее?»

На 4-й странице обложки рисунок художника А. Курушина «Роботы работники».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Редактор-составитель В. Н. СУСЛОВ.

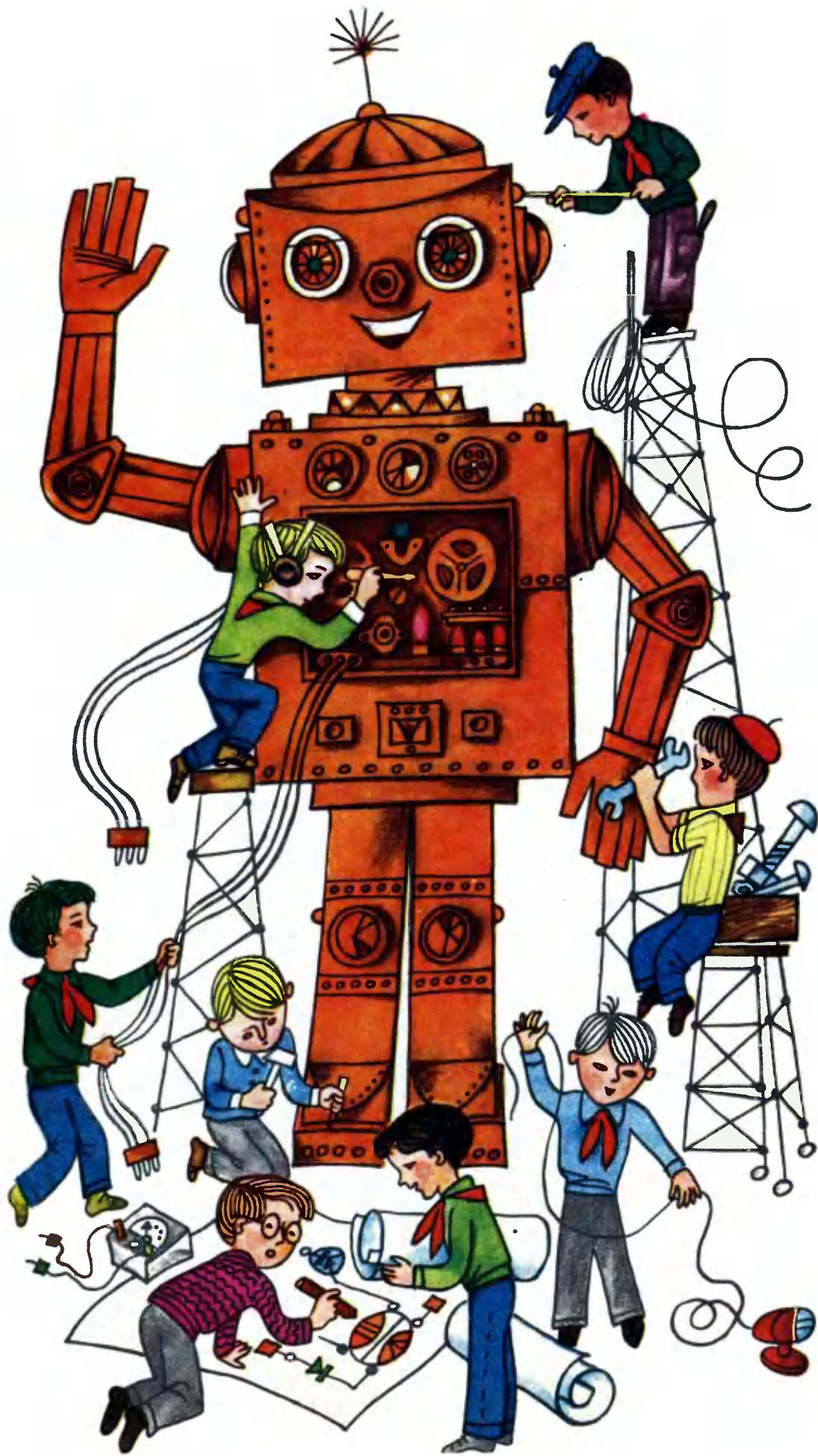
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 24/IX 1973 г. Подписано к печати 2/XI 1973 г. 4 п. л.
М-16204. Зак. № 367. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского, Лениздат,
Ленинград, Фонтанка, 57.

цена 10 коп. индекс 73735